

А.Г.Раскопыт

4'92

МУЖ ДЛЯ КНЯЖНЫ ВОЛКОНСКОЙ

(Русский вестерн
о переселенцах на Дальний Восток)

Подписная
популярная
серия

СТРАНСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СТРАНСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Подписная
популярная
серия

4 / 1992

Издается
ежемесячно
с 1992 г.

А.Г.Раскопыт

МУЖ ДЛЯ КНЯЖНЫ ВОЛКОНСКОЙ

(Русский вестерн о переселенцах
на Дальний Восток)

СОДЕРЖАНИЕ

О вестерне	3
Глава 1. Лиха беда — начало	4
Глава 2. Первые гости, первые враги	6
Глава 3. Как трудно стать купцом	11
Глава 4. Расплата за завтрак с княжной	17
Глава 5. Любовь зла, полюбишь и ...	22
Глава 6. Всяк сверчок знай свой шесток	27
Глава 7. В чужом пиру похмелье	33
Глава 8. Не рой другому яму ...	35
Глава 9. Желтый дьявол	38
Глава 10. Наговор	40
Глава 11. Все хорошо, что хорошо кончается	43
Сибирский синдром (к иллюстрации на обложке)	48

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
1992

ББК 84Р7-4

Р24

Редактор А. НЕЛЮБОВ

Раскопыт А.Г.

**Р24 Муж для княжны Волконской. — М.: Знание, 1992. — 48 с. — (Серия «Странствия и приключения»); № 4).
ISBN 5-07-002486-8**

«Муж для княжны Волконской» — один из первых русских вестернов, публикуемых в нашей стране. Написанный по всем законам этого самого демократического жанра, он рассказывает о невероятных приключениях русских переселенцев на Дальний Восток, о стычках, драках и убийствах, о борьбе за человеческое достоинство и, конечно, о любви.

4702610201

ББК 84Р7-4

ISBN 5-07-002486-8

©Раскопыт А.Г., 1992 г.

Популярное издание

Алексей
Григорьевич
Раскопыт

**МУЖ ДЛЯ КНЯЖНЫ
ВОЛКОНСКОЙ**

Редактор А.Нелюбов
Худож. редактор М.Гусева
Художник В.Конюхов
Техн. редактор Т.Луговская
Корректоры Л.Соколова,
Е.Юхимец

ИБ № 12190

Подписано к печати 17.04.92.
Формат бумаги 70х100 1/16.
Бумага тип. № 2. Гарнитура
«Журнально-рубленая». Печать
офсетная. Усл. печ. л. 3,90.
Усл. кр.-отт. 8,45. Уч.-изд. л.
5,06. Тираж 352163 экз. Заказ
277. С — 60. Издательство «Зна-
ние». 101835, ГСП, Москва,
Центр, проезд Серова, д. 4.
Индекс заказа 926604. Отпеча-
тано с оригинала-макета изда-
тельства «Знание» на ордена
Трудового Красного Знамени
Чеховском полиграфическом
комбинате Министерства печати
и информации Российской Фе-
дерации. 142300, г. Чехов Мос-
ковской обл.

О ВЕСТЕРНЕ

Этот жанр весьма популярен в США. Там в год издается несколько сотен вестернов. Однако этот жанр практически отсутствует в нашей стране, что удивительно. Ведь что такое американский вестерн? Это повествование о переселенцах, которые едут на дикие земли Запада, надеясь там основать новые деревни, распахать земли, никогда не знавшие плуга, разводить скот, растить своих детей свободными, вольными, в общении с природой, на собственной земле. В пути, естественно, на них нападают индейцы, бандиты, мародеры. Вестерн обычно заканчивается хэппи эндом, когда герой, переборов все трудности, достигает незанятой земли, которую называет своей, находит свое счастье.

Но разве Сибирь и Дальний Восток не были освоены миллионами русских переселенцев? Русские крестьяне сотнями тысяч переселялись за Урал уже сразу после походов Ермака, Хабарова, Пояркова, Шелихова, Атласова, Стадухина, Дежнева, Крашенинникова и других мужественных землепроходцев.

Столыпинская реформа всколыхнула массы людей. Лишь с 1907 по 1914 год в Сибирь и на Дальний Восток переселилось несколько миллионов человек. Эти люди несли более высокую культуру местным народам, учили их грамоте. Сре-

ди переселенцев на семью, как правило, приходилось по два-три грамотных! Переселенцы учили местный люд выращивать урожай, доить коров, ухаживать за огородами.

Естественно, что по дороге на них нападали разбойники, беглые, каторжники, происходили конфликты со староверами. Ну а путь русских переселенцев был в несколько раз длиннее, чем американских, да и трудностей было во столько же раз больше. Поэтому русский вестерн может быть динамичнее, острее, интереснее американского.

Вестерн — самый демократичный жанр. Он рассказывает о простом русском народе, на котором держится Отечество. По законам жанра главный герой вестерна наделен букетом положительных качеств. Он смел, решителен, умен, благороден и достаточно образован, что далеко не всегда соответствует его происхождению и социальному положению в обществе. И конечно, герой часто совершает непредсказуемые и непоследовательные поступки, логически не вытекающие из его характера и сопутствующих обстоятельств. И конечно, всегда вас ждет счастливый конец.

Фантазия и реальность, жестокость и сентиментальность, детектив и мелодрама — все переплетается в вестерне. Один из них перед вами.

Лиха беда — начало

— К берегу! — скомандовал проводник-амурец.

Мужики уперлись шестами. Под днищем плота зазвенела галька, закрипел песок. Тяжелые бревна взбормозили с разбега воду и песок, остановились. Мужики молча и со страхом смотрели на берег. Черный какой-то, дикий. Весь каменный, неживой.

Данила, сунув топор за пояс, с ружьем в руке прыгнул с плота. Воды по щиколотку, через три широких шага он выбрал на сухой песок. Мужики угрюмо смотрели вслед.

Данила повернулся к ним, крикнул с отчаянием в голосе:

— Ну же! Смелее! Два года добирался сюда. Сжились с дорогой, притерпелись. Наш край. Сегодня 5 августа 1907 года. Запомните начало новой жизни!

Мужики начали покидать плот, перетаскивать на сушу детишек, птицу, утварь, а Данила уже полез на высокий берег. На плотках остались четверо братьев: Илья, Карп, Аким и Ефим, крепкие и работающие, как все в роду Ковалевых. На них положиться можно. И он, Данила Ковалев, всегда был непоседливым.

Взобравшись на крутой обрыв, Данила вломился в чащу. Стояла духота, воздух был влажный, прелый, под ногами хлюпало. Крупные желтые муравьи, с громадными, как у жуков, головами, бегали по верхушкам трав. Часто попадались пеньки, трухлявые, развороченные медведями, расклеванные дятлами.

Он выбрал прямую бескорую сушину — сухостойную березку, легко срубил. Неподалеку стояли сухие ели, Данила поколебался — от них жару меньше, — но выбирать не приходилось, скоро стемнеет. За время двухлетнего изнурительного переезда выяснилось, что старики, которые в общине заправляли делами, теперь оказались растерянными, неумелыми. Тут знание обычаев не помогало, и Данила все чаще делал по-своему. В другое время за такое своеволие быть бы ему битому кнутах принародно, но на плотках старый уклад нарушался, и хотя старикам вроде бы подчинялись, но их знание жизни в двухлетнем путешествии на далекую реку Амур ничем помочь не могло. Они были в том же положении, что и молодежь. В вожаки незаметно выдвигался тот, кто быстрее осваивался на новом месте.

Плоты закрепили, а нехитрое имущество переселенцы перетаскали на берег. Коров и коней держали у воды, несмотря на насмешки амурца: мужики увидели медвежьи следы и еще, рассказывают, в этих краях водятся громадные тигры, коим корову или коня на один кутный зуб!

Илья и Карп разожгли костер. Жена Ильи, которая прибыла на втором плоту со свекром, крепкая статная Настя, умело сварила в чугунном котле кулеш со старым салом. У Ильи было трое вечно голодных воробышков. Накормить их досьта не всегда удавалось. И все же они росли не по дням, а по часам, быстрые, широкогрудые, смышленные. Данила с братьями, еще неженатые, помогали старшему чем могли. В свою очередь Настя кормила их, обстирывала, чинила одежду.

Только Ковалевы поужинали по-человечески. Остальные пожевали сухарей, а кто и сухарь не смог донести до рта. Завалились под пологи, а кто уснул мертвецким сном прямо тут же у костра.

Утром просыпались тяжело, с удивлением. Не было привычного плеска воды, не воняло рыбой. Это уже не Амур и не Уссури — приток Амура, а твердый сухой берег Имана, который впадает в Уссури. Можно бы забраться и дальше в верховья реки, плоты проходят, но лето на исходе. Надо попробовать пустить корни тут. Если повезет, то здесь вырастет село, а то и город.

Данила с братьями спал непривычно долго. Затем наскоро поглотал, обжигаясь, горячую кашу, схватил ружье и ушел.

Далекie сопки и темная тайга были охвачены утренним туманом. Тяжелые волны косматых облаков ползли над рекой, касаясь воды. Противоположного берега не видно, будто стоят на берегу моря.

Мужики, шлепая по мокрому песку, бродили вдоль берега, по отмелям, осматривали заливчики, рассуждали насчет рыбы. Если не врут, то рыбачить тут привольно: невод не порвешь о коряги, а рыбы, особенно в нерест, бывает немало.

— Эй, — закричал Данила, — вы хлеб приехали сеять или в рыбаки идти? Пошли посмотреть места для раскорчевки.

Мужики, будто только и ждали команды, разом полезли на высокий берег, цепляясь за корни, хилые кусты. Данила пошел вперед, кося глазом на послушно бредущих за ним людей. Вожаком никогда не был, ходил всегда в одиночку, но сейчас, как видно, не нашлось ни старшего, ни смелого.

Они взобрались на невысокую сопку. Вдоль берега тянулась широкая полоса, где рос редкий смешанный лес. Высились ясени, тополя, рядами шли лиственницы, редкими башнями стояли исполинские кедрь. Часто виднелись поляны, заросшие высокой травой. Дальше поднималась стена черного непроглядного леса с его буреломами, чащами и зверьем.

— Там, — сказал Данила, — никуда не денешься, придется расчищать землю. Велика матушка Расея, но готовых земель не осталось. Потом польешь, и хлеб поднимется. Главное, вода сюда не доберется. Вода в амурских реках поднимается высоко, сами слышали, а тут берег высокий. Эту воду можно спустить, канавы прокопаем быстро.

— А земелька?

— Должна быть хорошая. Глядите, какая трава растет! Спустимся, проверим.

Он опять удивился, как послушно мужики полезли за ним вниз на другую сторону сопки. Самые опытные из них ковыряли землю, качали головами. Вроде бы и земля в самый раз, чернозем на пять пальцев, но больно мокрая.

К вечеру второго дня Илья и Карп первыми отмерили себе участок в сто сажен вдоль берега и принялись за раскорчевку. За ними и другие, спеша захватить получше, начали отмерять участки, которые смогли бы обработать. Братья Ковалевы во главе с их отцом Захаром Ильичом обмотались тряпьем, чтобы не так докучала мошка, вошли с топорами в чащу.

В полдень измученные поселенцы сползались к общему костру. Трое жен-

щин в большом котле сварили гречневую кашу, вкусно пахло салом. Ребятишки наловили рыбы, такой крупной, что старшие переглядывались с удивлением и интересом. Одной рыбой можно прокорчиться!

Данила подумал, что непривычного здесь много. От налогов освобождены, земли бери сколько захочешь, бери лес, воду, рыбу. Молодежь освобождена от рекрутчины навсегда. Платить ни за что не надо. По крайней мере первые 15 лет. Кто брал государственную ссуду, тот начнет отдавать частями только через десять лет без процентов. На старом месте нестыдно быть бедным, мол, начальство виновато. Оно обдирает налогами. Там все нельзя. Зато тут все можно, но ежели ты ленив, то не на кого пальцем тыкать. Вроде и хорошо, а если глянуть на лица, не всем нравится. Отвыкли решать сами. Не хотят стать миллионщиками на свой риск, спокойнее получать похлебку в жестяной миске из рук барской кухарки.

...От зари до зари рубили и жгли тайгу, корчевали пни. По вечерам складывали огромные кучи срубленных ветвей, разжигали костры. Огонь полыхал всю ночь, а днем ребятня таскала ветки. Костер горел изо дня в день, а переселенцы, забыв про святые воскресенья, рубили, чистили, жгли и корчевали.

Через две недели по Иману прошел баркас, оттуда на берег подали, как и записано в договоре, за казенный счет на каждую семью по корове и коню.

Непривычно быстро на бабьих огородах под горячим августовским солнцем взошли лук и редиска. Бабы плакали от радости, ползали на коленях, разгребая землю пальцами, поправляя каждый росток. Мужики тоже поздно вечером, шатаясь от усталости, сползались к бабьим грядкам, с нежностью смотрели на зеленые всходы. Успели до морозов, хоть что-то успели.

На берегу выкопали три землянки. Стены и крыши укрепили бревнами и досками, бывшими настилами плотов, сложили из сырой глины земляные печи, вдоль стен поставили широкие нары из сухих лесин. Тесновато, но тепло. Свет проникает в окошки со стороны Имана.

Для скотины копали землянки попросторнее. Данила с братьями вырыли целую пещеру, отгородив ее от жилья молоденькими стволами сосенок и досками. Вроде бы отпала самая страшная забота —

Первые гости, первые враги

о жилье на зиму, но работы оставалось неспорно. Даже малые дети с утра выходили на будущую пашню. Уже на третий-четвертый день начали таскать матерям туески смородины и малины. К концу второй недели зачернела черемуха, сладкая приправа к пирогам, а на лесных полянах стало синим от голубицы.

Однажды вода в протоке словно закипела. Мужики вытянули шеи, не веря глазам: огромные рыбы шли бок о бок. Некоторых выжимало наверх, они ехали над водой, прыгая, стараясь пробиться к воде, но падали на спины и головы своих сородичей.

— Говорили о таком чуде, — прошептал дед Захар, — не верил. Какое богатство! Что ж вы стоите, дьяволы? Хватайте, ловите!

Мужики, разгораясь, кинулись к воде. Стоя по колено в реке, били палками рыбу, поддевали ее вилами, бросали на берег. Рыба была тяжелая и жирная. Людей сбивало с ног, и, хотя у рыб были огромные хищные пасти, ни одна не куснула, они как бы не замечали людей, а перли вверх по течению, забирались в протоки, искали мели.

— Да ить с такой рыбой, — бормотал ошарашенный Карп, — и на лодке речку не переплынешь. Как лесосплав! Рассказать про такое в России — не поверят!

— Или перебросить бы такое богатство в наши края, — добавила Настя добросердечно, — сколько там народу голодает.

— Под лежащий камень вода не течет, а каравай за лодырем не гоняется.

...Через пару дней Данила с Ваняткой прошли вдоль реки вниз, забрели в мелкую протоку, мальчишка испуганно вскрикнул. Данила заторопился за ним. Ванятка топтался на отмели, поднимая попеременно ноги. Он стоял по щиколотку в красной крупной икре. Данила зачерпнул горсть, поднес к глазам. Икринки были непривычно крупные, янтарно-пурпурные. Ванятка закричал удивленно:

— Ее тут видимо-невидимо! Вон до мыса и дальше.

Волны выплескивали икру на берег, она прямо на глазах ссыхалась под жаркими лучами солнца, в тени влажно блестя, похожая на яркие бусинки. Данила и Ванятка шли по икре, теплая вода плескалась по щиколотку, а в отдельных местах доходила до коленей. Данила брезгливо выбрался на сухой берег. В этом сумасшедшем, расточительстве было что-то страшное, пугающее.

За раскорчевкой не заметили, как наступила осень. Детвора таскала наскоро сплетенными лукошками крупные орехи. Трава и мох стали кроваво-красными от созревшей брусники. Бабы и дети носили доспевающий виноград, подбирали последние ягоды осыпающейся голубики.

Таига отступила. Огромные участки земли чернели, освобожденные от «чертолома», дикого переплетения завалов сухих и гниющих стволов, кустов, таежной травы. Данила свой участок выпалывал трижды, не давая сорной траве укорениться.

В январе переселенцев взбудоражил лай множества собак. Данила выскочил из землянки одним из первых, остановился, шуря на ослепительный снег.

Внизу под берегом разлеглась дюжина мохнатых собак, впряженных в длинные сани. Собаки высовывали красные языки, часто дышали. Над санями копошились трое мужиков, одетых в длинные шубы странного покроя. На снег падали ремни, открывая тюки, туго набитые мешки.

Мужики выходили из землянок с опаской. Бабы совсем не высовывались, глядели в окошки. На всех внезапно напал страх. Данила тоже ощутил нечто вроде пугающей неуверенности: уже полгода, даже больше, только рожки своих переселенцев, никого больше. А тут новые люди!

Он пересилил себя, подошел к приездом. Один разогнулся, услышав скрип снега за спиной, выпрямился. На Данилу

глянули черные раскосые глаза, быстрые и пронизательные, с хитринкой.

— Слышать, переселенцы, хотел помочь. Я друг, Ген Дашен.

— Данила Ковалев. По батюшке Захарович. Или просто Данила.

— Данила, — повторил китаец улыбочиво. — Я помогать, товары привозить! Надо?

— Еще как надо, но платить нечем, — ответил Данила. — Денег нету.

Китаец радостно заулыбался, закивал, быстро заговорил:

— Долг, долг давать.

Чувствуя, что за спиной собираются переселенцы, Данила спросил:

— Отдавать чем будем?

Торговец ответил моментально, будто отретпировал весь разговор и вел по нему Данилу, как бычка на веревочке:

— Лис лови, соболей, белок. Шкурки! Зачем сиди сложа руки?

Верно, подумал Данила с досадой. Дожили, китаец учит. Вслух сказал:

— Чем и как? Рыбу палками били, смехота! Соболя палкой не пришибешь.

— А у тебя ружье, — ответил китаец резонно. — Патроны надо? Порох надо? Что надо? Говори!

Данила почесал в затылке, понимая, что и другие сейчас полезли в затылок по расейской привычке, начинают раздумывать.

— Показывай товар, — со вздохом сказал Данила. Он подумал, что, пока посмотрит товар, успеет подумать, понять, как дальше быть, и решит: брать или не брать.

Но сам понимал, что брать надо. За зиму, хотя она еще только началась, обнищали. Обтрепалась одежда, кончилась мука, зерно берегли для посева. Нужны неводы, раньше о них не подумали.

В землянке Карпа разложили товары по полатам, детишек перегнали в половину Данилы. В мешках была мука, при виде которой у переселенцев загорелись глаза, в тюках — ситец, пуговицы, нитки, иголочки, стеклянные бусы.

— Почему мука? — спросил Карп как можно равнодушнее.

— Три рубля, — ответил купец.

— Три? — ахнул Карп, не веря своим ушам. — Ты сказал — три?

— Три, — кивнул китаец и заулыбался. — Совсем даром, правда?

— Да это же грабеж! — задохнулся Карп.

Мужики возмущенно загалдели. Китаец пожал плечами.

— Вы сидеть, жопы греть! Я купец, сам запрягай собак, сам грузи, сам ве-

зи. Вы не хотите за три? Приезжайте в лавку, отдам по два!

Данила оглядел рассерженные лица. Дьявол! Хитрый китаец прав. Сидим, задники поперели, весны ждем. А этот шурует по реке, сопкам.

Их взгляды встретились. Китаец спросил:

— Берешь?

— Мне нужны лыжи, — ответил Данила, загибая палец. — Дробь, порох. Денег сейчас нету, отдам летом.

— Зимой, — сказал китаец. — Зверя бей, шкурки неси. Еще в долг дам. Ты сильный, я вижу. Отдашь.

— Постараюсь, — сказал Данила тяжело, — я постараюсь.

Когда китаец распродал всю муку и товары, сказал наставительно:

— Зимой ягоды ешь! Копай, копай в снегу еще. Помрешь, не будешь кушать. Не найдешь, кору грызи, в воде вари — пей!

Они уселись в сани, гикнули на собак. Впереди сидевший помощник огрел псов длинной палкой, нарты рванулись вперед. Дед Захар, глядя вслед, сказал угрюмо:

— Ишь, заботится, помрем — долг не отдадим!

Данила в раздумье проговорил уважительным тоном к рисковому купцу:

— Переселенцы и впрямь мрут как мухи. С кого долг взыщешь? Не боится рисковать.

Данила начал собираться на охоту. Конечно, муке цена полтинник, но это в лавке, когда выкладываешь наличные. А в долг, да еще с доставкой... Надо самому навестись в лавку. Китайцы да хунхузы вольно ездят по этой земле, а он, Данила Ковалев, за полгода так и не отошел дальше чем за версту. Разве он не на своей земле?

...Добыв дюжину белок и двух соболей, Данила запряг коня в розвальни, оделся потеплее. В задок саней бросил шкурки, ружье положил рядышком. Прошлый раз прямо перед домом здоровенный секач дорогу перебежал, даже не перебежал, а перешел, нагло поглядывая на человека маленькими злыми глазками.

Мороз был сильный, лед по реке сверкал синими искрами. Данила кутался, терпел, но холод заставлял вскакивать, бежать рядом с санями. Разогревшись, валился на сани, отдыхал, потом холодные иглы пробирались под шубу, и снова бег по льду, кое-где занесенному снегом.

Он лежал, слушая скрип и шелест под полозьями, когда впереди послышался лай. Дыхание еще стояло колом, в горле першило, в груди сипело, и Данила некоторое время прислушивался, не в силах подняться.

Лай стал громче, и Данила сел, потрогал ружье. Впереди из белесой мглы вынырнула собачья упряжка, за ней еще одна. В передних нартах сидели двое, в задних — трое.

Рослый вожак с ожесточенным лаем, даже не лаем, а хрипом, кинулся на коня Данилы, за вожакom потянулась вся стая. Конь испуганно всхрапнул, попятился, вожак прыгнул, норовя укусьить за ногу, но шлея дернула его назад, он подтянул собак ближе, снова бросился, на этот раз промахнулся или конь успел убрать ногу, а в третий раз, когда на солнце блеснули острые, сахарно-белые клыки, Данила выстрелил.

Пес подпрыгнул, ударился о лед. Из пробитой головы потекла кровь, над ней поднялся горячий пар. Из нарт с угрожающими криками выпрыгивали люди.

Данила повел ружьем:

— Стоять на месте!

Двое с передних нарт остановились. Оба были широкоскулые, с решительными лицами, одеты богато. На задних еще кричали, размахивали руками. Над головой у одного сверкнуло широкое лезвие. Данила сперва подумал на топор, но то оказался широкий меч с расширяющимся к концу отогнутым краем.

— Уберите собак к чертовой матери! — закричал Данила.

— Кто такая? Ты кто такая? — визгливо крикнул высокий с передней нарты.

— Я здесь живу, — раздельно ответил Данила. — Это моя земля. Я — Данила Ковалев. А ты кто, который прет не глядя и распускает собак?

С задних нарт соскочили трое. В руке одного было ружье, второй держал меч, у третьего блеснул нож. Двое с передних нарт не отвечали Даниле. Один озлобленно и торжествующе глядел на него, второй бросил что-то повелительное задним на своем языке.

— Стоять на месте, — велел Данила угрожающе спокойно. — Вы понимаете?!

Высокий в богатой одежде важно разжал губы:

— Ты, — сказал он тонким голосом, — уходить с дороги. За убитую собаку подарить нам коня.

— Черта с два, — ответил Данила сердито.

Второй коротко кивнул. Трое с задней нарты бросились вперед. Данила быстро выстрелил два раза, спрыгнул с саней, ударом приклада в зубы свалил третьего, подхватил чужое ружье, вскинул к плечу:

— Вы так, да?

Его трясло. Никогда раньше не стрелял в человека, но сейчас его колотило от бешенства. Только бы эти двое шевельнулись, сказали что супротив, чтобы и в этих тоже стрелять.

Двое, которым он прострелил руки, побежали с воем обратно, оставляя кровавые следы. На снегу остался меч с широким лезвием. Третий ползал, руки и ноги разъезжались на льду, он падал лицом вниз, из расквашенных губ текла кровь.

Данила повел стволом на оставшихся двоих, которые теперь оцепенели, как замороженные:

— Ну, продолжим?

Его пальцы подрагивали на курке. Это было не ружье, а настоящая винтовка. По старинке их еще звали штуцерами. Заряжено или нет, Данила проверить не успел, проверят эти двое в дорогих шубах. Но в тайге никто не держит незаряженным ружье. Двое попятились, сели в сани. Один рывкнул, с задних саней сбегали помочь третьему, что едва поднялся на ноги. С задней нарты быстро перепрягли огромного пса вместо убитого вожакa, низкорослый завизжал на собак. Те рванули и понесли по глубокому снегу, стороной объезжая сани Данилы. Вторые нарты поехали по их следу, но двигались неуклюже, с саней прокричали угрожающе.

Когда они скрылись из виду, Данила тяжело рухнул в сани. Конь тронулся, только тогда Данила заорал, соскочил, вернулся за мечом. Разгреб снег и вытащил диковинный меч. Недобрая тяжесть оттягивала руку, и Данила с изумлением рассматривал тяжелое оружие, прекрасной отделанную рукоять, острое как бритва лезвие. Таким дикого кабана зарубить можно, только какой кабан подпустит так близко?

Снег скрипел под полозьями. Солнце слепило, на душе было мрачно. Ввязался в скандал, зачем? Хорошо, хоть никого не убил. Но что за люди? Даже не назвали. Не гольды, те, по слухам, совсем бедные, робкие. И не китайцы-купцы, тем незачем лезть в драку. Купцы со всеми стараются дружить.

Конь бежал споро, Данила не спрыгивал с саней, было жарко. Меч и чужую

винтовку сунул под одеяла. Пока болтать не стоит. Если надо, пострадавшие на него заявят сами.

Солнце начало опускаться, когда впереди на левом берегу увидел несколько темных хибарок, накрытых не то звериными шкурами, не то рыбьими. В стороне стояла странная круглая изба с загнутыми кверху крышами. Эта фанза была самая большая, отделана побогаче, и Данила повернул коня к ней.

Берег был крутой, пришлось тащить коня под уздцы, вытаскивать сани наверх. Коня он привязал возле сарая, торбу с овсом подцепил к морде и быстро пошел к фанзе.

Дверь была как дверь, и Данила постучал кнутовищем в толстые сосновые доски. Внутри слышались голоса, потом дверь отворилась. На пороге стоял Ген Дашен. Узнав Данилу, он кивнул, поклонился, сделал приглашающий жест:

— Заходи! Лавка всегда есть товар.

— Вижу, — ответил Данила. — Выгоду никогда не упustiшь.

Он шагнул в фанзу, пригнув голову. Просторно, все жилище было одной большой комнатой. В одной половине товары, в другой — грубо сделанный очаг, где полыхал огонь. На полу березовые поленья, тут же рядом шкуры в несколько рядов. В фанзе дымно, пахнет прелью, чем-то острым, неприятным.

Ген шагнул за ним, сказал неприязненно:

— Товары просить приехал?

Данила удивился пренебрежительному тону торговца. Это был совсем другой человек, чем тот, который приезжал к ним на поселение.

— Зачем просить, — ответил Данила с достоинством, — долг надо вернуть и кое-что купить.

Торговец повернулся к нему, посмотрел в упор. Данила вытащил из тюка соболей и лису. Ген быстро ухватил за хвост и голову, потряс, подул в мех, осмотрел. Даниле показало, что в глазах торговца мелькнуло неудовольствие.

— Плохо шкуру снимал, — сказал он. — Вот тут попортил, видишь? И вообще соболей мелкий. Ладно, лису беру за десять рублей, соболей и белок тоже беру. Зачем белок бьешь, время переводишь? Это для мальчишек забава, мужчина соболей неси.

Данила растерялся:

— Как за десять рублей? Им цена не меньше сорока.

Ген пронзительно взглянул на него:

— Где? В Петербурге? Там и две сотни дадут, не отвези. Я тебе в долг давал, спасал. Теперь ты отдал долг, твоя молодец. У меня все в долгу, только ты молодец!

Данила смотрел на него набычившись. Здорово дал маху. Не уговорился о цене, проклятый торгош умело забил баки, всучил товар и смылся. Теперь как докажешь, что не взял бы по такой цене?

— Твоя молодец, — нахваливал Ген, провожая до порога.

Данила остановился, повернулся:

— Что толку? Опять надо в долг лезть. Собирался купить кое-что.

Ген повеселел, глаза заблестели. Он потер пухлые ручки:

— Холосо! Выбирай, все для тебя есть!

— Выберу, — согласился Данила, — только на этот раз оговорим цены. И запишем, я грамотный, не дрейфь. А то не выберусь, буду у тебя как гилек.

Торговец поскуцнел, сказал погасшим голосом:

— Зачем не доверяй? Я честная торговец.

— Ты оборотистый и смелый, а вот о честности... У нас тоже говорят: не обманешь — не продашь. Твое дело дурить, мое — не дать себя надуть.

Данила отобрал товары, проверил, чтобы записано было верно, похлопал скишшего Гена по плечу. Когда он укладывал товар в сани, укрывал и привязывал, чтобы не вытряхнуло на ухабах, со стороны стойбища показалась процессия.

Двое крепких молодых парней, родня Гена, тащили молоденькую девчущку. Она была маленькая, в шубке, лицом ребенок лет десяти — двенадцати. Пробовала вырываться, ее тащили грубо, один крепко огрел ее палкой по спине, потом по голове. Сзади с воем и слезами шли старые гольд и гольдка. Они стонали, что-то лопотали, протягивали умоляюще руки, но не осмеливались схватить молодцов.

За долги девку отняли, подумал Данила. Он отвернулся, отвязал коня. Девчонку протащили мимо. Она дернулась в сторону, ее ударили палкой по голове и поволокли за ноги. Старики завопили громче, к их жалобным крикам присоединились соседи.

Не надо вмешиваться, сказал себе Данила. Он прыгнул в сани. Всякий раз достается по ушам, когда влезает не в свое дело.

Девчонку дотащили до фанзы. На пороге вышел Ген, уперев руки в бока. Глаза его блестели. Молодцы со смехом дотащили девчонку, один за шиворот как котенка поднял ее на ноги.

Данила тронул коня. Сани дернулись с места, на него оглянулись, и Данила встретился с затравленными глазами девчонки. Она завизжала, в ее глазах были ужас и надежда.

— Тпру!

С недовольством на себя он выскочил из сани. Молодцы оглянулись на него, гиялки расступились.

— Что происходит? — требовательно спросил Данила.

Ген отмахнулся.

— Твоя ходи-ходи к себе!

— Я у себя, — напомнил Данила, наливаясь злостью. — Куда тащите девчонку? За долги отобрали?

Ген прищурился:

— Быстро соображаешь. Старик должен мне много лет, платить не может, долг растет. Пришлось взять в уплату.

Данила повернулся к гольдам:

— Кто-нибудь понимает по-расейски?

Вперед выступил сморщенный старик. Поклонившись, сказал:

— Я мало-мало понимаю. Я ходи с Невельским. За долги, но они отдадут. Долги все больше, не понимаю. Долги отдавай, и долги расти...

Данила хмурясь сказал:

— Я понимаю. Нет такого права живого человека забирать. У нас в Расеи за недоимки скотину забирали, а то несправедно. А живого человека — такого права нет.

— То право в России, — крикнул Ген, обозлившись, — а здесь Амур!

— Тут Россия, — отрезал Данила. — Вот что, отпусти девку. Зачем она тебе? Корову бы взял, хоть молоко б давала.

Ген ухмыляясь произнес:

— Коров нет. Девка с нами мало-мало спать будет.

Данила посерел лицом, шагнул вперед. Его огромные ладони сжались в кулаки. Молодцы держали девчонку крепко, глядели на приближающегося русского без страха.

Кулак Данилы ударил первого в лицо, как молотом. Тот рухнул навзничь. Второй отпустил девчонку, замахнулся, но Данила свалил и его с первого удара. Данила был почти на голову выше обоих, шире в плечах и намного тяжелее. Ген исчез в фанзе, а девчонка с визгом бро-

силась к старым гиялкам. Оба залопотали, обнимая ее, пугливо поглядывая на огромного незнакомца.

На пороге фанзы появился Ген. В руках у него было ружье. Он быстро прицелился в Данилу:

— Ты нападать, я защищаться!

Данила проговорил с накапливающей яростью:

— Ты редкостный дурень, хоть и купец. Смотри, какая толпа! Всех не перебьешь. Расскажут нашим, тогда ты и в Китае не спрячешься. Мои братья и со дна моря достанут.

— Моя не боюсь! — закричал Ген тонким голоском.

— Еще как забоишься, — ответил Данила. Он повернулся к старику-переводчику: — Скажи всем, что, ежели девку тронут, тут же зовите меня или любого из нашего села.

Он повернулся и пошел к саням. Меж лопаток чувял холодок, будто Ген прижал ствол прямо к спине, но шагал уверенно, только прислушивался: не скрипнет ли снег сзади? С них станется подкрасться на цыпочках со шкворнем в руках.

Гольды смотрели с надеждой. Старик увели всхлипывающую девчущку. У Данилы мелькнула мысль забрать ее с собой, но куда он ее денет? К тому же сочтут, что один зверь у другого отнял. Нет, помогать надо, но не делать за них всю работу.

Он дернул вожжи, сани тронулись. Старик-переводчик побежал рядом:

— Спасибо, русский!

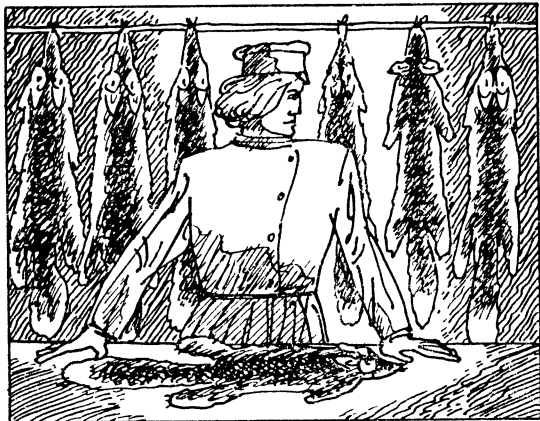
— На том свете сочтемся, — буркнул Данила.

Он понимал, что у гольдов и тот свет другой, не встретятся. Ну и ладно, такая жизнь. Не со всеми хочется видаться. На иных глаза б не глядели.

— Еще приедешь? — допытывался старик.

— Еще бы, — ответил Данила громко. — Маленько в цене не сошлись, бывает. Приеду, привезу новые шкурки.

Как трудно стать купцом

Однажды, в самый разгар вьюги, приехал старик, который служил у Невельского переводчиком и проводником. Данила удивился, как он их нашел, но, оказывается, гольды знали не только о каждом передвижении русских переселенцев, но чуть ли и не то, что у них в горшках варится.

— Что делать будешь? — спросил гольд, его звали Хотога. — Маленько бить Гена еще?

— Опять девчонку забрал?

— Нет, побаивайся.

— Это хорошо, — засмеялся Данила с облегчением. Ему стало тоскливо при мысли, что опять придется ехать, кого-то спасать, что-то улаживать. — Значит, понял.

Гольд долго прихлебывал чай, потом как в холодную воду кинулся:

— Русский друг, только тебе скажу!

Он суетливо вытаскил из-за пазухи тряпицу, развязал узелок. Данила смотрел с любопытством. В слабом свете от окошка блеснуло желтым. На ладони гольда лежал слиток размером с детский кулачок.

— Золото, — сказал Данила настороженно. — В этих краях?

Хотога затряс головой:

— Нет, далеко-далеко. Я нашел, долго носил, прятал. Показать Гену — отнимут, побьют, заставят вести, где нашел. Маньчжурский нойон узнает, еще хуже. Шибко боялся!

— Теперь перестал бояться?

— Боюсь, — чистосердечно признался гольд, — но ты человек хороший, продам тебе золото.

Данила развел руками, сожалея:

— Я не богаче тебя. У меня хоть шаром, гляди сам. К тому же я опять взял у Гена в долг.

Хотога замахал руками:

— Потом отдашь, мы все берем, потом отдаем.

— То-то и растут долги, не выпутаетесь.

Хотога виновато покачал головой:

— Никак... Может, у тебя будет не так?

Данила покрутил головой:

— Предлагаешь мне открыть лавку?

— Открыть, открыть! — горячо заговорил Хотога. — У Гена товар плохой, он обижай. Ты хороший, Кульдыгу отнял!

Данила с сомнением покрутил в пальцах золотой слиток, тяжелый металл приятно оттягивал пальцы. К Гену ехать за товаром не хотелось. Все-таки у кого товар, у того и сила. Ген может отказать ему совсем. Что тогда?

— Не знаю, — раздумывая сказал Данила. — Не занимался купечеством.

— Охотой занимался? — пылко спросил Хотога. — Такую рыбу ловил? Такую реку видел?

Данила с сомнением покачал головой. Конечно, тут все внове, пробуешь себя в делах, о которых раньше и не подумал бы. Внезапно пришла веселая смелость:

— Эх, где наша не пропадала! Пропдай моя телега, все четыре колеса! Бог не выдаст, свинья не съест. Авось, повезет, а не повезет — что ж, если б все время везло, императором стал. Беру твой самородок! Во сколько ценишь?

Хотога растерянно заморгал:

— Ты нам товары за него дашь.

— Сколько? — допытывался Данила. — На сколько денег товару?

— Товару дашь, — пояснил Хотога. — Понимай? Потом дай, когда деньга будет.

Данила кивнул, с жалостью глядя на гольда. Сколько не даст, и ладно. Дети природы, вас не только нойоны и китайцы, как вас еще бурундуки не наловчились грабить да насильничать!

— Хорошо, — согласился Данила. — Я беру у тебя золото в долг. Отдам сполна, не сумлевайся. Про золотишко никому, понял?

— Никому, — затряс головой гольд с испугом. — Никому!

...Когда пришел первый пароход, Данила, не теряя времени, выплыл навстречу на лодочке. Торговались с ним отчаянно. Он обменял самородок на деньги, набрал товару, а на остальные заказал привести к осени последним пароходом или баркасом.

Набрав товара, Данила объявил гольдам, что открывает лавку. К нему потянулись сперва из любопытства, осторожно рассматривали рулоны ситца, мешки с мукой, зерном, скобяные товары, ножи, патроны, седла.

Дома хранить товар было тесно. Данила проехался вдоль речки, прикинул. Удобное для склада место отыскалось внизу по течению, всего с полверсты от их поселения, которое называли Новохатовкой. Берег был хорош с обеих сторон. По Иману ли поднимутся баркасы или пройдет пароходик по Татибелу, маленькой речушке, спустятся гиляки или орочены на своих лодчонках — всем им с руки пристать к берегу.

Данила запросил помощи у родни, но отец отказал наотрез. Братья посматривали хмуро, молчали, но Данила видел в их глазах осуждение. Торгашеством занялся, позорит имя Ковалевых.

Озлившись, Данила взял топор и пилу, пошел в лес. Несколько дней пилил и рубил, домой едва приползал. Потом и ночевать стал там же, среди свежешкуренных бревен. Если бы не злость на братьев, мог бы бросить на полпути, а так склад рос медленно среди редущих деревьев, огромный, вместительный, похожий на деревянную крепость.

Когда пришло время таскать стропила на крышу, Данила явился в село, поговорил с мужиками. Нехотя — никто не желал ссориться с Захаром Ковалевым и его широкоплечими сыновьями — пришли четверо: заплатил им Данила по-царски.

Осталось навесить двери, но это Данила сделал уже сам. Склад был готов. Данила отошел в сторонку, любовно и критически осматривая его со стороны. Огромный высокий амбар из толстых бревен высился на берегу Имана. Высился одиноко, ближайшие деревья Данила срубил на крышу, распилил на дрова.

Вечером старик гольд Хотого сидел у него, пил чай. Данила уважительно подливал ему в чашку, подкладывал лучшие куски. Как-никак с его руки превратился в торговца.

— Пошто не ехай в город? — спросил Хотого. — Близка. Татибу перейти, есть брод.

— Что за город? — поинтересовался Данила. — Как называется?

— Не знай. Город, и все. Гольды бывают там мало-мало.

— Пора побывать, — решил Данила. — Как туда добираться?

— Город на берегу Имана. Надо перейти Татибу, дальше прямо и прямо. Утром выйдешь, к вечеру будешь в городе.

— Не близко. Тыща верст — не рукой подать. У нас соседняя деревня была в десяти верстах, так многие за всю жизнь так и не выберутся. Лавки там есть?

— Много, — ответил Хотого.

— Много лавок — дешевле. Не продаст один, зайду к другому. Завтра покажешь дорогу?

...Они выехали рано утром, едва небо посветлело. Гольд умело вел через заросли, находил звериные тропы, хорошо протоптанные, широкие. Ветки не мешали, обратно можно провести лошадь с вьюками по бокам.

Быстро спустились к слиянию Татибы с Иманом. Увидев реку у самых ног, Данила струхнул: река выглядела такой же широкой, как и сам Иман.

— Не бойсь, — сказал Хотого. — Где широко, там мелко.

Конь испуганно фыркал, вскидывал голову, когда волна начала подниматься выше коленей. Данила тревожился, мели меняются с каждым паводком, гольд мог ошибиться. Реки тут быстрые, враз утащит на десятки верст по течению. На самом глубоком месте коню было по брюхо. Потом конь повеселел, сам начал выбирать дорогу. Гольд отозвался одобрительно.

— Хорош конь! Не собачка, но тоже хорошо.

На берегу Хотого остановился:

— Дальше ходи сам. Моя город не любит. Много дома, много людей. Все начальники, все кричи на меня.

Данила засмеялся:

— Как хошь. Прямо по берегу, не сворачивать?

Хотого не отвечая торопливо выудил из-за пазухи тряпицу. Данила с изумлением смотрел на россыпь золотых зерен размером от гороха до лесного ореха. Гольд протянул ему:

— Бери, Данила. Ты справедливый, все гольды так говори. Ты не обманывай, тоже говори.

— Ну, батя, — сказал ошеломленно Данила, — ты меня по уши в долги вгоняешь.

— Мы помогай, ты помогай. Так?

— Так, — подтвердил Данила. — За меня не сумлевайся. Ковалевы лучше свое отдадут, чем чужое возьмут. Твое золотишко кстати. Я, честно говоря, ехал с пустыми руками. Больше поглазеть. Теперь попробую заказать товару.

...Солнце клонилось к закату, когда он подъехал к городу. Река делала крутую петлю, дома стояли в этой петле, будто отгородились от набегов татарской конницы. На самом же деле, как понял Данила, тут когда-то высадились такие же поселенцы, как и его односельчане, соблазнившись на плодородную землю. Однако на радость или на беду деревушка оказалась на перекрестке дорог китайских купцов и русских, именно тут с сопок спускались золотоискатели, охотники, искатели женьшеня.

В селе быстро выросли перевалочные склады и заготовительные конторы. Среди местных появились чужие: приказчики, строительные рабочие. На берегу построили пристань, теперь туда могли причаливать не только плоты и баркасы, но даже пароходы. Выросла церковь, и село не успело опомниться, как уже стало городом, а местное население растворилось в нахлынувшем потоке торгашей, любителей наживы, жулья, искателей счастья и беглых.

Усталый конь ожил, когда въехали в город, а по бокам улицы побежали бревенчатые домики. Даже мостовая и тротуар были новенькими: начиная от третьего дома проезжая часть выложена стесанными сверху бревнами, а вдоль домов, прикрывая грязь, шли толстые широкие доски.

Прохожих было немного. Не сезон. Золотоискатели сойдут с гор осенью, когда пойдет снег и завалит их таежные норы. Тогда тут будет шум, гульба. Город перевернут вверх дном, опустошат запасы трактиров, оставят два-три пуда самородного золота, выбитые стекла в домах, ликующих воров и несколько трупов, чаще всего своих. Города защищаться умеют.

Конь фыркнул, ускорил шаг. Он раньше хозяина почуял постоянный двор. Ворота настежь, хотя во дворе пусто, а у конюязи стоит одна понурая лошададка. Дом большой, двухповерховый. Второй этаж, судя по всему, для приезжих. Из дверей первого тянет запахом жареного мяса и чеснока.

Данила привязал коня, поднялся по ступенькам. Он зашел в трактир, велел

половому принести полный обед, позаботиться о большом черном жеребце у конюязи и лишь затем сел за стол и оглядел людей за столами. Их было немного. Однако они резко отличались от переселенцев, затурканных крестьян серединки России. Нет голодных глаз, а есть хищные, жестокие и бесстрашные. Тут готовы на любой риск ради золотой жилы, связки соболей, а то и просто так, ради ухарства.

За соседним столом обедали два кременных мужика. Один из них настоящий медведь, если только медведь мог быть таким туго сплетенным из жил, намотанных на толстые кости. И весь будто из коричневого камня — битый ветрами, стужей, глаза у него твердые, уверенные. Второй был попроще, но тоже хваткий, быстрый — не привычный деревенский чудило, каких любят держать возле себя вожак все мастей. Данила поймал на себе короткий прицельный взгляд, и мышцы сами собой напряглись. Второй был гораздо опаснее своего могучего приятеля.

Дальше стояли два пустых стола, а за последним веселилась целая компания. Шумели, хвастались, пели и обнимались. В трактире пахло кислыми щами, жареным мясом. Тут собирались бродяги, отпетые варнаки, ловцы удачи. Каждый верил в себя, свою судьбу. Каждый считал, что именно он — сильнейший, удачливый. Иначе на кой черт забираться в эти дикие края? Никто из них не готов к тому, чтобы кому-то уступить.

Это Данила понимал хорошо. Хватит, науступался там, в старой деревне. На новом месте и держаться надо по-новому. Тут тебя никто не знает, тут примут таким, каким себя подашь. Надо подавать таким, каким хочешь быть.

Уловив момент, когда Данила дохлебал наваристые щи с мясом, половой ловко выхватил пустую миску, взамен поставил широкую тарелку, где исходила горячим соком молодая курица или скорее всего тетерка. Вместо гарнира — полдюжины стеблей черемши. Оно и понятно: мясо в лесу бегаёт дешевое, а крупы и картошку пока что везут из России.

Толстый мужик, медведистый и крепкий, осушив уже стопки четыре водки, все присматривался искоса к Даниле. Когда он повернулся к нему всем корпусом, лавка жалобно скрипнула, спросил гулким голосом:

— Эй, хлопец, ты сюда по делам или как?

— И по делам и «как», — буркнул Данила через плечо.

— А по каким делам?

Хозяйский голос раздражал. Мужик привык распоряжаться, это чувствуется.

— По какому изволу, — ответил Данила недовольно. Он все также не оборачивался, отвечал через плечо. — Ясно?

Мужик набылчился, кровь ударила, лицо потемнело, раздулся, как петух. По всему видно, решил Данила, что давно уехал от общины, а то и совсем не жил в ней, никогда ни перед кем не ломал шапку, с ним разговаривали только почтительно.

— Слушай, хлопец, — сказал мужик грозно, — мы не любим бродяг. Ты не беглый случай? Лучше всего убирайся подобру-поздорову.

Данила чуть подвинулся на лавке, чтобы видеть медведистого, ответил размеренным голосом, в котором закипало бешенство:

— Слушай теперь меня, хлоп. Слушай очень внимательно, повторять не стану. Я еду, куда изволю. Разрешения ни у кого не спрашиваю. Ясно?

Мужик грузно вскочил, едва не опрокинув стол. Правая рука Данилы выпустила ложку, и не успела та стукнуться о поверхность стола, как черное дуло винтовки глядело медведистому прямо в лоб. Данила хищно улыбался, палец лежал на курке, а винтовка не колыхалась.

Толстяк застыл, глаза его щупали напряженное лицо молодого парня. Второй мужик поднялся, давая Даниле увидеть, что он не угроза, обнял собутыльника за плечи, Даниле сказал примирительно:

— Тут уже были стычки, есть убитые.

— Я при чем? — требовательно спросил Данила. Винтовка в его руке выглядела так, будто вместе с рукой была отлита из одного куска металла.

— Городок разделился. Ворошило собирает своих людей для защиты, а Ген Дашен своих. Идет торговая война, парень. У тебя дорога винтовка, многозарядная. Такая не на простого зверя.

— А на какого? — спросил Данила, догадываясь, какой будет ответ.

— На человека. Мы не знаем, на чьей ты стороне.

Данила ответил по-прежнему резко:

— Вам обоим лучше сесть и отдохнуть. Я ни на чьей. В ваши драки ввязываться не желаю.

Неповоротливый и вертлявый медленно опустились на скамейку. Оба положили руки на стол, и Данила повесил винтовку на

край стола, но скамейку чуть сдвинул, чтобы обоих не выпускать из виду.

Вертлявый понимающе улыбнулся:

— Ты не простой охотник, если привычки людей знаешь. Видно, что побывал между жерновами, умеешь бить и держать удары. Скорее всего тебя вызвал Ген.

— Я на Гена не работаю, — ответил твердо Данила.

— Все равно тебя будут подозревать. И Ген и Ворошило.

При последнем слове вертлявый кивнул на своего дебелого спутника. Данила оторвал куриную ножку, ответил с холдом:

— Возможно, я стану на чью-то сторону. Всегда любил подраться.

Краем глаза он видел, как вертлявый что-то шепнул откормленному, судя по всему, это и был Ворошило. Тот кивнул с кислым видом, будто вместо водки хлебнул уксуса. Вертлявый повернулся к Даниле:

— Мы нуждаемся в крепких парнях, а приходится нанимать всякую дрань, ненадежных. Если решил подраться, поговори сначала со мной.

Данила выплюнул разгрызенные косточки в миску, сказал небрежно:

— С тобой или с твоим противником?

Он выпил залпом кружку кваса, поднялся и вышел из трактира. Конь уже стоял в конюшне, в яслях была охапка свежего сена.

Данила не спеша побрел по улице, кося глазами по обе стороны.

Вдруг Данила увидел настоящий каменный дом. Массивный, двухэтажный, с железной крышей. Окна на первом этаже были заделаны железной решеткой. Ступеньки, которые вели к массивным дубовым дверям, похожим больше на ворота, будто из широких плоских камней.

Данила замедлил шаг, рассматривая диковинку с интересом. Когда он поравнялся с крыльцом, послышался частый стук копыт. Через минуту из-за поворота выехала легкая коляска, запряженная двумя вороньими. Подковы стучали по дереву глухо, на небрежно отесанных бревнах коляску немилосердно подбрасывало, раскачивало на рессорах. Кучер гнал лихо, по-разбойничьи посвистывал, покрикивал, крутил над головой кнутовищем. Он еще издали прицелился огреть зеваку прохожего, и Данила заметил это, вскипел, пошел мимо.

Коляска резко вильнула, огибая его по широкой дуге. Кучер по-волчьи оскалил зубы. Он знал, кого можно хлестнуть,

кому уступить дорогу. Проехав еще десятка два шагов, коляска остановилась резко. Кони гневно заржали, взвились на дыбки. Данила резко повернулся, винтовка мгновенно очутилась в его руках.

Коляска стояла перед подъездом каменного дома. С сиденья, накрытого, как шатром, черным навесом, поднялась молодая девушка. Она соступила на бревна проезжей части, небрежным жестом откинула с лица вуаль. Данила судорожно схватил ртом воздух. Девушка была высокая, тонкая в поясе, с гибкой фигурой и высокой грудью. Глаза ее были лучистыми, как звезды, золотые волосы уложены толстой косой на затылке. Лицо было нежно-белым, незагорелым, пылали яркие, как мак, губы, скулы были горделиво приподняты.

Данила сделал несколько шагов как зачарованный. Он не замечал ни кучера, откровенно скалившего зубы, ни услужливого молодца в поддевке, который распахнул массивные двери и низко кланялся, блестя обильно смазанными лампадным маслом волосами.

Девушка сердито поглядела на Данилу:

— Что с вами? Вы никогда не видели женщин?

Губы Данилы мгновенно пересохли, в ушах звенел ее волшебный голос.

— Клянусь! Оказывается, я и в самом деле их еще не видел.

Она тряхнула головой, лицо было надменным. Но красивые полные губы чуть изогнулись в улыбку. Она шагнула к дому, но Данила торчал как столб, загоразивая дорогу, и она ядовито поинтересовалась:

— Может, мне повернуться и сесть назад в коляску?

Сердце Данилы пикнуло, будто поросенок под колесом паровоза. Девушка была наполнена солнцем, он ощутил свою двухдневную щетину, грязь на сапогах и дорожную пыль на одежде. Его рубашка была темной от пота.

Он ответил торопливо:

— Я и правда только что из леса. Никуда не деться, от судьбы не уйдешь. Вам на роду написано выйти замуж за меня.

Она отшатнулась. Ее большие глаза стали круглыми, как у птицы:

— Вы сумасшедший?

— Еще какой, — ответил он. — Я заставил вас ждать так долго.

И сделал шаг в сторону. Она гордо прошла мимо, его обдало тонким, нежным запахом. Данила жадно смотрел, как она поднялась по ступенькам, как

надменно оглянулась в дверях. В ее глазах были удивление и негодование:

— Вы дикарь и наглец!

— И ваш будущий муж, — напомнил он.

Парень в поддевке насмешливо скалил зубы, высоко рассматривал Данилу. Девушка нахмурилась, быстро шагнула за порог. Дверь за ней захлопнулась. Свет померк, Данила снова оказался в сером мире, на пыльной улице.

С тяжелым вздохом он повернулся, деревянными шагами направился обратно к постоялому двору. Сзади застучали копыта, сбоку заехала коляска.

— Эй, — послышался голос, — хошь, подвезу?

Данила вскочил на подножку, где только что стояли ее ножки, потрогал ладонью кожаное сиденье, которое хранило еще тепло ее тела. Разбойничьи глазки кучера хитро щурились.

— Давай, — сказал Данила. — Гони к постоялому! Или лучше — какие торговые лавки еще открыты?

Кучер пустил лошадей шагом, нехотя пробормотал:

— Поздно уже, но если дело прибыльное, то можно и на дом. Любой примет, если деньгой пахнет.

— Тогда правь к купцу домой, — решил Данила.

Кучер подумал, подняв глаза к небу, будто советовался с Богом, хотя при его роже ходить только вокруг котлов, подкладывая дрова, чтобы смола кипела, раздумчиво пожевал губами:

— Тут новый один появился. Может, к нему. Все новые, но этот новее всех. Вы чем-то смахиваете один на другого.

Извозчик гикнул, кони пошли быстрее. Данила сидел задумчивый, извозчик не вытерпел, спросил:

— Ты хоть знаешь, с кем говорил?

— Нет.

— Дочка самого, почитай, ампиатора! По нашенским меркам. Ее батя, князь Волконский, назначен губернатором всего края!

— Волконский? — переспросил Данила, пробуя фамилию на вкус. — Никак дочка его тоже княгиня?

— Не княгиня, дурень, а княжна. Княжна Волконская Наталья Андреевна.

Данилу окатило холодом. Вон какие высокие птицы. А девка — золото, один лишь порок — княжна.

— Служилый князь, — поинтересовался Данила, — или владетельный?

— Служилый, — ответил кучер с сожалением.

— Терпимо.

Кучер покосился, удивляясь. Парняга хохмит или всерьез?

Коляска остановилась перед огромным бревенчатым домом. Рядом высился амбар, похожий на крепость. На широких воротах висели тяжелые железные слуги, пудовые замки. Данила постоял, широко расставив ноги, посмотрел на амбар — не только склад, но заодно и торговая лавка. Ворота закрыты, но от дома отворена боковая дверь.

Перемахнув через забор, Данила подошел. В окне дома, которое выходило во двор, колыхнулась занавеска. Данила заглянул в боковую дверь: огромный склад забит товаром, еле осталось место для прохода. Через зарешеченные окошки падает скудный свет, освещая тюки ситца, сукна, горы седел, ящики с патронами, ружьями. Мешки с зерном, крупами, а вон там коробки с бездымным порохом никак?

По ту сторону прилавка слышалось сопение, приглушенная брань. Заслыхав чужака, с пола поднялся плотный краснолицый парень, распаренный. Рукава у него были засучены, ворот распахнут на груди, где блестел медный нательный крестик.

Парень быстро окинул цепким взглядом Данилу, и тот понял, что от парня не ускользнула ни его двухдневная щетина, ни штаны из грубой ткани, ни забрызганные грязью сапоги, ни тем более медвежья шкура на плечах. Однако парень сразу взял быка за рога:

— Чем могу служить, господин?

— Мне нужен товар.

— Водка? — спросил парень. Глянув в лицо Даниле, поправился: — Ружье, патроны?

Данила медленно покачал головой:

— Мне нужно много всего. Давай-ка лучше хозяина. Возьму большую партию, если сговоримся. В этом случае полагаются скидки.

Парень не двигался. Глаза его были все такими же настороженными. Данила медленно вытащил кошель, вытряхнул на ладонь несколько крупных зерен. Глаза парня расширились, в его зрачках заблестели, словно отражение, желтые огоньки.

Кивнув, он выскользнул через боковую дверь. Вскоре в амбар вошли два дюжих парня, очень похожих на первого, явно братья. Не глядя на Данилу, пошли вдоль стены, бесцельно трогая ящики, подвигая мешки. Один из братьев на хо-

ду проверил, надежно ли заперта дверь, которая вела на улицу.

Данила терпеливо ждал. Когда оба приблизились достаточно близко, он перекинул винтовку с плеча в руки, сказал негромко:

— Эй, вы!

Они устали в черное дуло, замерли. Один сказал скороговоркой:

— Что случилось? Зачем?

— Стойте там, — властно сказал Данила. — Я из тайги, понимаете? Мы, таежники, привыкли к простору. Я не люблю, когда возле меня тесно.

Братья чуть отступили. Второй торопливо произнес:

— Нет, нет, вы не подумайте... Нам батя приказал оградить от чужих глаз. Мы посторожим у дверей.

— Вот у дверей и стойте.

В боковую дверь вошел краснолицый парень с медным крестиком на груди. За ним грузно переступил порог мужик с густой черной бородой. Волосы его были расчесаны на прямой пробор, блестели от масла. Поддевка была растягнута, на груди болтался золотой крест, черные глаза глядели пронизывающе, нос, как у коршуна.

— Я хозяин, — сказал он, — Васильев Василий Васильевич.

Данила едва удержался от усмешки. Это могло означать — ищи ветра в поле. Что ж, многие начинают в этом краю новую жизнь с новыми именами.

— Я Данила Ковалев. Хочу открыть свою лавку.

— Где? — спросил Васильев быстро.

— Не в городе, — ответил Данила. — Мы переселенцы из Сибири. Распахали землю на берегу Имана. Торговать буду с гольдами и ороченами. Уже начал торговать, да только нечем.

Васильев хищно посмотрел на Данилу, чуть подумал:

— Обмозгуем. Покажь золотишко!

Данила высунул на ладонь золото.

В доме началась невидимая суматоха. Замелькали женские юбки, на стол потащили все сразу и вперемешку: самовар, графин с водкой, сладости, соленые огурчики и грибы. Васильев кивнул Даниле на новое кресло:

— Садись. Пока бабы готовят пирог с кетой, поговорим.

Данила сел, огляделся. Комната большая, просторная. Стены толстые потому, чтобы зимой тепло через щели не выфуркивало. В комнате еще слышен запах живицы, будто вчера срубили.

— Ты тут недавно, — сказал Васильев спокойно. Он сидел напротив, глаза его не отпускали молодого купца. — А я, почитай, старожил. Два месяца тут. Это почти вечность для здешних краев. Правду говоря, недавно из нашей лапотной Расеи-матушки. Край тут богатый, но под лежащий камень вода не течет. Надо шевелиться, паря. Бог ленивых не жалует. Лодыри только в сказках счастливы.

— И то лишь в тех, — добавил Данила, — которые сами лодыри сказывают.

— Товаров я тебе дам, — продолжал между тем Васильев. Голос его стал осторожнее, расчетливее. — Не обижу, посчитаю тытелька в тытельку. Честным купцам надо друг за дружку держаться. Сегодня я тебе помог, завтра ты мне.

— Вряд ли я смогу, — ответил Данила, тоже насторожившись. — Я в торговле ни уха ни рыла.

— Все мы в этом деле новые, — ответил Васильев. Даниле почудилась в голосе купца скрытая тревога. — По чем хошь продать?

— Полтора рубля золотник.

Васильев помотал головой:

— Не пойдет. Ни я, ни кто другой за такие деньги не купит. Приисковики продают по семьдесят копеек. Ну те, которые не пропивают сразу. Тебе я могу дать рупь. Это самая высокая цена.

Данила прищурился:

— Вот так сразу? А как же поторговаться?

Васильев метнул в него острый взгляд, в котором ничего не было купеческого:

— Пусть торгаши собачатся за каждую копейку! Я такой же, как и ты. Только постарше, я останусь в этом деле. Правда, если ничего лучшего не подвернется.

Лучше, подумал Данила, только с кистенем стоять под мостом. Быстрые деньги. Но для этих дел стареешь, Васильев, да и рассудительность теснит удаль.

Вслух он сказал, глядя в упор на Васильева:

— Продано! Вели тащить весы.

...После обильного ужина Васильев повел его в амбар. Сыновья несли фонари, все были разгорячены. Яркие блики керосиновых ламп плясали по тюкам с товарами, стены оставались в темноте, амбар казался бесконечным.

До полуночи Данила отбирал товар. Дешевые бусы и бумажную ткань не взял. Ген Дашен натолкал ими гиляков под завязку, зато у них недоставало же-

лезных котелков, ножей, охотничьих припасов. Даже у лучших охотников ружья были плохонькие, устаревшие, как только ухитрялись их владельцы жить охотой. И рыбацкие сети нужны, и лекарства, а то все на шаманов надеются, потому и мрут как мухи.

Васильев наблюдал за ним с одобрением:

— Хорошим товаром хочешь торговать, — оценил он подбор. — По-честному. Быстрых денег не сделаешь, но в нашем деле важнее заработать имя. Гиляки это оценят, они тоже люди. Это для нас они нехристи, а для Бога, ему сверху мы все одинаковы.

Ударили по рукам. Васильев поклялся, что отобранный товар отправит сразу же с утра. Баркасы свободные есть, мужики ищут, где бы заработать.

Данила малость тревожился, свидетелей сделки не было. Если Васильев отпрется, ничем не докажешь. Тягаться с ним трудно. Ни в суде не докажешь, ни в драке — вон какие крепкие парни, каждый с ружьем и кистенем управляется наверняка лучше, чем с аршином.

4 глава

Расплата за завтрак с княжной

На постоялый двор появился за полночь. Заспанная девка принесла чистые простыни, старое одеяло. Комната была пустая, хотя по углам стояли кровати. Не сезон, подумал Данила, засыпая. Это хо-

рошо. Разгулявшихся золотоискателей нет и в помине. А то с таким характером обязательно бы подрался. Утром встал поздно. Вымылся, тщательно побрился, заспешил вниз в трактир, навстречу вкусным запахам жареного лука, мяса, специй.

В трактире народу было побольше, чем вчера, шумно. Два половых быстро сновали по проходу, разносили графины с водкой, огромные миски с жареным мясом, горячей кашей, супом.

Данила прошел наискось, вышел на террасу. Тут под навесом стояло три стола. Один был занят веселящимися охотниками, за вторым сидел одинокий мужик, а третий стол пустовал. Сюда тоже доносился запах жареного мяса и неизменного дикого лука. Тут было уютнее. Тянуло свежим ветерком, отсюда были видны далекие сопки, лес, а если повернуться — улицу во всю длину.

За соседним столом охотники громко разговаривали, стучали по крышке стола рукоятками огромных ножей. Такие ножи, с рукоятками из рогов оленей, Данила увидел впервые здесь, на Дальнем Востоке.

Половой подбежал, наклонился:

— Чего изволите?

— Мяса с кашей.

— Водочки? Есть особая, местная. Китаезы привозят, на женьшене. Есть даже на гадюках настоянная.

Данила поколебался, ответил, сожалея:

— В другой раз.

Половой заметил его колебания, понимающе ухмыльнулся.

Данила собирался есть не спеша, поразмыслить, помечтать о золотоволоске, княжне Волконской, но желудок требовал своего.

За соседним столом кашлянули. Там мрачно веселился за полупустым графином водки широкоскулый, с темным от солнца и ветра лицом, одинокий мужик. Одет добротно, хотя пиджак и штаны поношены, а сапоги разбиты. На поясе висел большой нож.

— Хорошо ешь, паря, — сказал он, оборачиваясь к Даниле. — Если так и работаешь...

— Хочешь нанять? — осведомился Данила.

Мужик засмеялся, показывая желтые прокуренные зубы:

— Впору самому наниматься. Просто уважаю людей, которые хорошо едят.

Данила покосился на него. Похоже, этот мужик уважал весь трактир. Тут ели все в три горла.

— Меня зовут Иван Битый, — сказал мужик. — Промышляю золотишко, зверье. Вообще чем Бог пошлет в тайге.

— Данила Ковалев. Занимаюсь всем помаленьку. Сейчас пробую себя в торговле.

Внезапно на террасе стало тихо. Данила ощутил на себе заинтересованные взгляды. Казалось, жрут да пьют, ни до кого нет дела. Ан нет, тут гав не ловят, такие сюда не едут. Не зевай, Данила, на то и ярмарка.

— Ковалев, — протянул Битый раздумчиво. — Не тот ли, что маньчжурских людишек побил? Самому нойону, говорят, руку прострелил! Потом еще гиляцкую девку у китаез отбивал?

— Похоже, что я, — неохотно согласился Данила.

И похоже, что про него уже поползла плохая слава. Слава скандалиста и забияки, человека отпетого. Это была не та слава, к которой он стремился, но имя Данилы Ковалева принадлежало — увыл! — ему. А вместе с именем и эта недобрая слава.

— И тот самый, который отказался наняться к Ворошиле? — продолжал Битый крепнувшим голосом. — Теперь понятно, паря.

Данила с досадой ответил:

— Видно, весь город знает, кто я и чем занимаюсь. Теперь бы еще и мне это узнать!

Битый ответил с усмешечкой, но миролюбиво:

— Не серчай, а то печенку испортишь. Город маленький, все на виду. Ты парень заметный, удалой. Когда про драчку прослышали в других местах, сюда потянулись всякие разные. Пристав ругается, грозит, но не пойман — не вор. Говорят, Ворошило нанял беглых каторжников. Хоронятся в лесу, ждут. Но это слухи, за них не посадишь.

— А люди Гена? — спросил Данила.

— У него их меньше, зато места знают лучше. Корнями тут проросли. Кого в долгу держат, кого в страхе. Трудно тебе придется. Ты, как бурундук, между двух медведей.

Далеко на улице показались скачущие лошади, за ними темнел верх крытой коляски. Данила несколько мгновений тупо смотрел на приближающийся экипаж. Мысли его бродили вокруг картины, где бурундучок зажато верещит между разъяренными медведями, потом едва не подпрыгнул. Верх коляски сдвинут назад, на сиденье сидит его золотоволоска, княжна Волконская! Рядом держится пухлый розовый парняга, одетый по-городскому, чисто, даже франтовато.

Данила приготовился проводить ее то-скующим взглядом, но коляска свернула на эту сторону улицы, плавно остановилась перед постоянным двором. Пухлый соскочил первым, подал руку княжне. Она сошла легко, как мотылек, едва коснувшись его руки.

Вдвоем они поднялись на террасу. Навстречу, предупрежденный, спешил хозяин, толстый, раскрасневшийся на кухне среди котлов. На нем был чистый и, к удивлению Данилы, выглаженный фартук. На толстой морде, мокрой от пота, расплылась широчайшая улыбка:

— Ваше сиятельство! Как мы рады, как рады! Что же не упредили, встретили б с почетом. Изволите пройти на кухню? Откушать?

К изумлению Данилы, все трое пошли на кухню.

Битый насмешливо оскалился:

— Как же — не упредили! Чуюл, что приедут. Готов, как волк на морозе.

— Что они поперлись к грязным котлам? — спросил Данила, сбитый с толку. — И хозяин, этот дурень, рад...

Битый засмеялся:

— Инспекцию делают. Чтобы мух на кухне не было, тараканов. Дурни! Данила не отрывал глаз от двери на кухню. Вскоре дверь распахнулась, вышла пара, парень услужливо поддерживал золото-волоску. Хозяин семенил сзади, кланялся, прижимал ладони к груди. На его усеянном бусинами пота лбу было написано: пронесло!

Пухлый парень повел взглядом по столам, сказал хозяину:

— Мы отобедаем здесь. Верно, Наташа? Вместе с народом. Мы не чужие, мы тоже народ, русский народ.

Девушка окинула взглядом притихшее сборище, ответила вполголоса, но Данила услышал:

— Ты не думаешь, что мы помешаем?

— Что ты! — ответил бодро брат, но в голосе слышалось смущение. — Мы ведь тоже народ. Не отгораживаться, а сливаться, верхи и низы.

Даниле стало смешно. Он поднялся, вежливо указал на пустую лавку по другую сторону своего стола:

— Присоединяйтесь к нам.

— С удовольствием, — ответил брат. Он бросил на сестру победный взгляд. — Верно, Наташа?

Хозяин затоптался рядом, как медведь на цепи, бросая на Данилу и Битого свирепые взгляды.

— Ваши сиятельства, я принесу свободный стол! Оттуда вид на речку.

— Сюда, — оборвал пухлый.

Он отодвинул скамью, пропуская сестру к столу. Его розовая шея покраснела, пошла волнами. Наташа села за стол, бросив неприязненный взгляд на Данилу. Битый торопливо отвернулся, но уши его вытянулись едва ли не на аршин.

Пухлый сел, вежливо поклонился Даниле:

— Я Всеволод Волконский, инженер по строительству дорог. Это моя сестра. Вы тут проездом или живете?

— По делам, — ответил Данила. Он укордкой поглядывал на девушку. — Я из переселенцев, которые прибыли в прошлом году. Мы заняли землю сверху по Иману.

Неожиданно вмешалась Наталья:

— А также обожаете драться с маньчжурами, отнимать у китайцев девушек.

Всеволод удивленно посмотрел на сестру. Ее щеки порозовели. Он вежливо спросил:

— Откуда ты знаешь?

— Наша кухарка...

— Впрочем, я тоже слышал нечто подобное. Какие у вас планы теперь?

— Я занялся непривычным делом, — ответил Данила честно. — Увидев, что гильков грабит всяк, кто изволит, завел свою лавку.

— Вот видишь, — победно сказала Наталья брату.

Данила поперхнулся, почуяв, что сам дал понять свои слова как-то иначе, не желая оправдываться, сказал с ожесточением:

— Торговцев никто не любит, я их сам не люблю. Ну раз уж так получилось, то доведу дело до конца.

Хозяин в сопровождении двух половых с почтительно вытянутыми лицами сам поставил гостям две тарелки. Каши, словно полудохлым котяткам, ломтик мяса, который комар унесет. Черемши не положил, дабы не пугать высоких гостей чесночным запахом. Во второй тарелке, которую поставил перед княжной, был крохотный ломтик рыбки.

Наталья сказала саркастически:

— Для начала он отнял бедную девушку, увел к себе. Она избежала волков, это верно, но попала к тигру.

Всеволод повернул голову к Даниле. Тому кровь бросилась в лицо:

— Не к себе. Я вернул ее родителям! Ей лет десять, не больше. Как можно?

Наталья, вяло ковыряя вилкой в рыбке, ответила сухо:

— Говорят, у гуляков можно. Недаром китайцы воспользовались этим. Да все мужчины готовы забыть про все запреты.

Всеволод перевел непонимающий взгляд на сестру. Она вскинула красиво изогнутые брови. Насмешливые огоньки разгорелись ярче:

— Как, ты еще не знаешь? Весь город говорит, что я буду женой этого человека.

Всеволод смотрел с недоверием, потом лицо его покраснело слегка:

— Если это шутка...

— Это не шутка, — ответил Данила. — Я надумал жениться на вашей сестре. Правда, она княжна, но у всех свои недостатки. Я знал одну с такими кривыми ногами, будто всю жизнь сидела на бочке, и то выскочила за хорошего парня. А у вашей сестры ноги вроде бы в порядке, хотя под таким длинным платьем хрен что увидишь.

Всеволод побагровел сильнее. Брови его угрожающе сомкнулись на переносице, глаза сузились:

— Рекомендую прекратить вести такие разговоры о моей сестре, тем более в таком тоне! Я сумею ее защитить.

— Ради Бога! — сказал Данила, поднимая ладони кверху. — Я не хочу с вами ссориться. В нашей семье будет мир со всей родней.

Всеволод сжал кулаки, начал подниматься. Кулаки у него были белые, будто вылепленные из рыжего творога. Наталья торопливо опустила ладонь ему на плечо, голос ее был насмешливым:

— Сева! У него нож и револьвер за поясом. А на коленях новенький винчестер. Такие люди редко доживают до свадьбы.

— Это верно, — ответил Данила, обращаясь к Наталье и глядя ей в глаза. — Но уж если кто доживет!.. Я приехал из самого сердца России, из дремучей подмосковной деревушки, где каждая старуха — ведьма, где в любом доме тесно от домовых, где в сарае шагу не ступишь, чтобы не наступить на коморника, сарайника. У нас сразу за околицей играют в горелки, а вдоль реки водяницы и русалки водят хороводы. В таких деревнях народ живет чуткий. Мы чувствуем не только приближение засухи, неурожая или морозов. Сейчас предчувствие говорит мне, что когда меня зароят в этой дальневосточной земле, то здесь будут жить десятки моих сильных и красивых внуков.

Он поднялся, бросил на стол серебряную монету. Битый, который искося поглядывал, не пропуская ни слова, бросил на молодого купца внимательный взгляд. Этот Данила заплатил за обед впятеро дороже, чем он стоит.

— И еще я чувю, — произнес он сильным голосом, — что мой гроб понесут на могучих плечах семеро высоких, как отец, и красивых, как мать, сыновей. С ними ты будешь, Наташа, вспоминать долгую и счастливую жизнь, которую мы прожили.

Он спрыгнул с террасы, минуя ступеньки. Всеволод уже покраснел, как индюк, вот-вот лопнет, но Даниле не хотелось с ним ссориться. Парень чистый, богатство у лакей смолоду не испоганили душу. Правда, между ними пробежала черная кошка, но это сам Данила виноват — не сдержал язык. Постареет, научится обуздывать себя, а сейчас удаль прет из груди, сердце стучит сильно и смело.

...До обеда он отбирал с сыновьями Васильева товар, помогая грузить на баркасы. Хотел было ехать с ними, но речники обещали отправиться послезавтра. Да и путь по воде против течения займет времени впятеро больше, чем на коне напрямик.

К постоянному двору вернулся, когда солнце начало опускаться к закату. Жаркие лучи нагревали спину, рубашка на спине взмокла. Данила мерял взглядом расстояние от солнца до вершин сопки, прикидывая, когда обрушится темнота, успеет ли добраться до Новохатовки. Рискованно. Доберется впритык, а если хоть малость задержится в дороге, придется ночевать в лесу. В темноте и сам без головы останешься, и ноги поломаешь.

Поколебавшись, решил выехать с утра. На постоялом дворе и кормят хорошо, и простыни чистые. И когда сердце радостно екнуло, понял, что весь день хитрил с собой, оттягивая момент отъезда, все надеялся увидеть еще разок золотоволосую Наталью, увидеть ее надменно вздернутый носик, гордую приподнятость скул, насмешливые умные глаза.

Хмурый, пошел прямо в трактир. Поужинал в закрытой половине, молча поклялся, что выедет домой рано утром, когда город еще спит.

Вышел, постоял у ворот, глядя на усыпанное звездами черное небо.

Впереди, посреди двора, стоял крупный широкоплечий человек. Данила сделал несколько шагов, остановился, пото-

му что этот человек загораживал дорогу к крыльцу. Можно, конечно, обойти его, но человек явно знал, что Данила не обойдет, и Данила это тоже знал.

Человек был массивный, широколицый. Голова вырастала прямо из широких плеч. Луна светила Даниле в лицо, скрывая лицо незнакомца.

— Это ты Ковалев, — услышал Данила резкий требовательный голос.

— Я, — ответил настороженно Данила.

— Торговец из Новохатовки? — уточнил незнакомец.

— Он самый.

Он успел увидеть кулак, огромный, как отполированный речной валун. В голове с грохотом взорвалась бомба. Данила непроизвольно шагнул вперед, второй удар обрушился на его скулу. Колени подогнулись, но он удержался, попробовал закрыться, но чудовищные кулаки с легкостью пробивали защиту. Во рту резануло болью, почувствовал соленый вкус крови. Как в тумане, выбросил вперед руку, целясь в лицо огромного человека. Тот с неожиданной скоростью увернулся.

Голова Данилы дернулась из стороны в сторону, когда незнакомец быстро ударил правой и сразу же левой. В глазах потемнело, Данила рухнул лицом вниз. Еще не успел удариться лицом о землю, как страшный удар ногой в живот буквально поднял его в воздух. Данила скрючился, хватая ртом воздух, увидел занесенную для второго удара ногу в огромном ботинке, но не смог ни уклониться, ни дернуться. В голове гремело, изо рта текла кровь, в животе и груди сплошная резкая невыносимая боль.

Жесткие удары сыпались часто. Человек шагал за Данилой легко, бил жестоко и страшно, с каждым ударом перекачивая его тело по двору.

Когда Данила начал терять сознание, удары прекратились. Он услышал тяжелое мощное дыхание и грубый голос:

— Слушай, дурак, если ты еще живой, конечно. Еще раз брякнешь, что женишься на ее светлости, убью. Здесь это делается просто. Понял?

Не дожидаясь ответа, он повернулся, шагнул в темноту и растворился. Данила лежал, борясь с чернотой, которая наступала, гасила сознание. Из рта и разбитых губ текла кровь, смешивалась с пылью. При каждом вздохе остро кололо в груди, сломаны ребра. Гудело в голове, резкая боль перекачивалась по всему телу. Когда он попробовал подогнуть

ноги, остро полоснуло по каждой жилке, каждому нерву.

Отдохнув, он рискнул подняться на ноги. В голове гудели колокола, но звезды уже перестали качаться, и луна зависла неподвижно. Морщась при каждом шаге, стиснув зубы, он кое-как пересек двор, вернулся в конюшню. Буян шарахнулся. Даже в полутьме Данила увидел, как расширились глаза коня, когда тот почувствовал запах свежей крови. Ноздри раздулись, затрепетали.

— Это я, — прошептал Данила. Голос его был слабый и силпый, тоже разбитый. — Ты еще таким меня не видел.

Пальцы его были в крови, на костяшках лохмотья кровоточащей кожи. Буян мелко вздрагивал, часто переступал передними копытами. Данила с огромным трудом оседлал, с третьей попытки кое-как залез в седло. Перед глазами качалось и плыло.

— Буян, милый, — попросил Данила шепотом, — пожалуйста, не сбрось меня сдуру. Иначе мне хана.

Данила цеплялся за седло, его раскачивало. Избитое лицо начало вспухать, боль усиливалась. К рассвету будет как освеженная туша. Даже кости будут ныть так, что пальцем шевельни — заорешь, как ни крепись. Потому и надо убираться отсюда поскорее, пока темно, чтобы не видели его стыда и позора.

Хорошую работу кто-то сделал. Сам Волконский распорядился, защищая честь дочери? Конечно, такой власти у него нет, но тут город такой, что за бутылку водки забьют насмерть. А посули четверть — разорвут в клочья. Кажется, Битый говорил, что есть бродяги и беглые каторжники, которые в лесу прячутся вблизи города. Их вроде бы нанял Ворошило, но эти разбойники могут услужить любому, кто заплатит.

Нет, скорее всего толстый братец. Аж побелел, когда услышал, что какой-то купчихка хочет жениться на его благородной сестре. Такой даже к принцу будет ревновать, души в ней не чает. К тому же ему проще, чем бате, договориться с бродягами. Он панибратствует с низами, заводит «друзей из народа», не замечает, что те втихомолку смеются над ним.

...Данила поднял голову. Высокое крыльцо, массивные двери, двухэтажный кирпичный дом. Буян всегда чувствовал хозяина, но разве сейчас Данила хотел остановиться? Или все-таки хотел? С разбитой в кровь рожей, распухший и в синяках?

Окна на втором этаже светились, одно было открыто, оттуда доносились приятные звуки. Кто-то играл на фортепиано.

Данила уже хотел тронуть коня, как вдруг музыка оборвалась. В освещенном окне возник тонкий девичий силуэт. Лицо ее было в тени, но в золотых волосах, подсвеченных сзади, запрыгали веселые искорки. Девушка наклонилась, всмотрелась. Данила услышал, как она тихонько ахнула. Свет из окна падал на него, освещая с головы до ног.

В ее голосе он уловил нотку жалости:

— Попало вам, герой тайги.

— Да, — силло проговорил Данила, потому что разбитые губы двигались с трудом, — кто-то из ваших постарался.

— Из наших? Ах, да... Уезжайте обратно в лес. Постарайтесь ему больше не попадаться.

— Ему? — переспросил Данила. — Вы его хорошо знаете?

Ее голос стал чуть холоднее:

— Не так хорошо, как вы прекрасную гилячку. Здесь город маленький, мы все знаем друг друга. Это адвокат Арнольд Дьяков, работает в здешнем суде.

Сердце Данилы забилося остервенело, в голове начал набухать болезненный комок:

— Почему он? Адвокаты — люди обеспеченные. В судах кулаками тоже не дерутся.

Наталья помолчала. Данила видел, что она выпрямилась, взялась за створки, будто хотела закрыть окно. Голос стал совсем ледяным:

— Он тоже вбил себе в голову такую же дикую идею. Также собирается жениться на мне. И если кто появляется вблизи, расправляется. С каждым по-своему.

Данила попытался выпрямиться в седле, но острая боль пронзила весь позвоночник. Вместе с дыханием через нос слышалось нечто подобное на стон.

— Должна заметить, — сказала она высокомерно, — что как он ни далек от цели, но у него шансов больше, чем у вас, рыцарь тайги.

У Данилы вырвалось:

— Жизнь не заканчивается сегодняшним днем. Я честный купец, свои долги плачу.

Она, все еще держась за створки, сказала резко:

— Выбросьте из головы! Из Петербурга его сослали сюда не за примерное поведение.

— Я плачу по счету, — настойчиво прохрипел Данила.

— Выбросьте из головы, — повторила она настойчиво, и ее голос совсем поте-

рел жалостливый оттенок. — Вы не представляете, он был чемпионом Петербурга по английскому боксу. Он побьет птерых таких увальней.

Данила пяткой тронул Буяна, стараясь попрощаться первым. Конь пошел резвой иноходью, окно с легким стуком закрылось. Данила сцепил зубы, крепко держался за луку седла. Теперь успеть бы отъехать подальше, пока не свалился посреди улицы.

Город остался за спиной. Конь осторожно шел вдоль реки, выбирая места куда ставить ноги. Луна светила ярко, полнолуние, но ее часто закрывали наплывающие тучки. От реки тянуло холодом, прохладная ночь жалостливо охлаждала избитое тело.

Тело взрывалось болью при каждом движении. Он доковылял до ручья, осторожно умылся. Ледяная вода приятно холодила распухшее лицо. Вернувшись, он отыскал в переметной сумке ломти мяса, поджарил на прутике. Жевать больно, челюсть едва двигается, но он заставил себя проглотить полуразжеванное мясо. Надо жить, набираться сил и думать, что делать дальше.

5 глава

Любовь зла, полюбишь и ...

Отец и братья слушали внимательно, терпеливо. Только старший Илья ерзал, неодобрительно сопел, но не смел раскрыть рта раньше отца, а Захар Ильич вздыхал, тербил бороду, чесал в затылке.

— Мне требуется самая малость, — сказал Данила снова, не вытерпев молчания, — чтобы вы присмотрели за складом, пока я съезжу в город. Товары без присмотра оставлять нельзя.

— Нельзя, — ответил отец со вздохом. — Товаров у тебя много. Не знаю, стоишь ли ты столько, сколько товару нагрел? Думаю, не лучше ли бросить это дело. Ну его к лешему! Продай Ворошиле. Все-таки свой, русский. Мы, Ковалевы, землеробы, а не купцы. Наше дело — пахать и сеять. Мы хлеб растим!

— Ковалевы не только хлебробы, — напомнил Данила мягко, стараясь не сердить отца. — В нашем старом селе и даже на соседних улицах все кузнецы — Ковалевы. В Москве, говорят, есть целый торговый ряд Ковалевых-оружейников. Есть наши родичи даже среди моряков, батя! Ты же сам учил: если трое одного бьют, беги на помощь одинокому. Бог только показывает, где правда, где кривда, а решать оставляет нам. Здешняя правда в том, чтобы не дать «своим» грабить «чужих»! Эти бедные гиляки теперь тоже наши. Всюду, куда приходят Ковалевы, они стоят за правду.

Отец с сомнением покачал головой:

— Нет, Данила. Был бы ты хлебробом, все стали бы на твою защиту. Ты занялся торгашеством. Помогать тебе — самим мараться. Вернись к земле, тогда всякий напорется сперва на нас, Ковалевых.

Данила обвел отчаянным взглядом братьев. Они отводили глаза, не в силах видеть его распухшее обезображенное лицо. Багровые кровоподтеки почернели, глаза Данилы едва глядели из-под вздутых век.

— И Ворошило, — сказал он, — и китайские купцы, и хунхузы, и все грабители на свете тоже хотят, чтобы я вернулся к земле. Там я — овца, никому не опасен и стричь меня может каждый. Зато меня боятся как торговца. Торговец Ковалев потряс их пауची сети, вырвал гиляков из долговой паутины. Ладно, пусть еще не вырвал, но показал, как вырваться и больше не попадаться. Именно этого боятся пауки. Торговать по-честному не хотят.

Отец выглядел озадаченным. Братья тоже были сбиты с толку, такой торговли они понять не могли.

Данила поднялся, чувствуя себя еще больше избитым. Во рту было горько от бессилия.

— Поможете или нет? — спросил он.

Все молчали, смотрели в пол. Данила взялся за дверную ручку, когда сзади раздался глухой голос:

— Постой, я пойду.

Данила обернулся, его брови против желания полезли вверх. Это был Илья, который круче всех лаял его за торгашество.

— Батя, — Илья повернулся к отцу, — я подмогну. Прав или не прав, Бог рассудит. Все-таки наша овца, хоть и паршивая.

Отец молча глядел в пол. Данила глухо сказал:

— Спасибо, батя, — и вдвоем с братом вышли на улицу.

Они зашли в дом Ильи с заднего хода. В новой, еще полупустой пристройке на стенах висели конская сбруя, три литовки, на свежевystруганных полках хранился столярный и плотничный инструмент. В дальнем углу стоял запертый сундук. Илья пошарил ладонью под стрехой, сметая пыль, выудил ключ.

В сундуке лежало старинное ружье. Такое огромное, что, положи на колеса, сошло бы за полевую пушку. Поверх ружья белела жалкая полотняная сумочка, полупустая. Еще одна сумка лежала под ружьем пустая. На дне сундука тускло блестело с десяток медных гильз.

Илья вытащил ружье, голос был смущенным:

— Патронов нету. Ванюшка выстрелял в первые дни.

— Зачем тогда прятать ружье? — спросил Данила. — С патронами уладим или оно стреляет пушечными ядрами? Порох у меня есть, свинца хватит, можно зарядить картечью.

...Когда прибыли на склад, Илья присвистнул уважительно. Данила горяч на работу, все знали, но часто бросал на полпути, не хватало терпения. Но этот амбар сделал добротню, куда уж добротнее!

Илья осмотрел по-хозяйски, тут же взялся укреплять двери, запоры.

— Хороший сарай отгрохал, — сказал он одобрительно. — И быстро. Я все не привыкну, что лесу тут полно, немерено. Берегу каждую щепочку.

Он проработал остаток дня. Утром Данила проснулся от стука топора по дереву. Илья обтесывал очередное бревно, а местность вокруг склада была голой, даже кустарник исчез. В трех местах полыхали жаркие костры из свеженарубленных веток, волны дыма ползли к реке.

— Чтoб никакая гадюка не подкралась, — пояснил Илья деловито. — Завтра еще Рябка приведу. Дурень гавкает на любую белку, спать не дает, но приучим.

Два дня таскали тяжелые камни, строили заборчики от пуль. На этом настоял Илья, и Данила, чертыхаясь и обливаясь потом, носил валуны, строил укрепление. Илья вблизи склада вырыл глубокую яму. Колодец не колодец, но вода поднимается. В случае осады без воды не останутся.

Данила работал без охоты, лишь подчиняясь старшему брату. Илья слишком нетороплив, по-крестьянски осторожен. С людьми типа Ворошилы или Гена надо по-другому. Они сами другие. Не только Ген Дашен, даже Ворошило живет по другим законам, чем в Сибири, а тем более законам глубинки России, где тыщи лет мало что менялось. Но как против них действовать, еще непонятно. Даже Илья не помощник. Он хорош, надежен, но для нового больше подходит его сынишка Ванюшка.

Ворошило сцепился за торговую власть с Ген Дашеном. Тот пока сильнее, но пока. Пришли русские. Правда, русские жили тут издавна, но те не в счет, привыкли. Настоящая волна переселенцев пришла только теперь, после реформы. Прежние жили мелкими группками, а то и в одиночку, в местных дела не вмешивались, и так рады, что сбежали от рекрутчины, поборов, помещиков, даже общины, где засилье стариков ничуть не меньше помещичьего. Когда стали переселяться целыми селами, пришли и новые порядки. В чем-то лучше, в чем-то хуже, но другие.

И все же в чем-то лучше, хмуро думал Данила. Даже Ворошило, этот звероподобный паук, обращается с гиляками как с людьми. Он и в России явно мошенничал, если не занимался казнокрадством, а гиляков обдирает так, как обдирали русских или украинцев. Но он не грабит, как Ген Дашен, стремится разбогатеть как можно быстрее.

Победит Ворошило. Ген Дашен понимает и лютует напоследок, дерет с гольцов последние шкуры. Где в этой схватке оказался он, Данила Ковалев? Посредине, как сказал Битый, вроде бурундука меж двух разъяренных медведей. И достанется с обеих сторон. Случай с молодой гилячкой вызвал симпатии у гиляков, надежды на заступничество. Это раздражает Гена Дашена и Ворошило. Едва начал торговлю, как гиляки на собачьих упряжках, на легких лодках разнесли о нем весть по дальним углам тайги. Повалили толпами, размели все в складе!

На день с опозданием прибыли баркасы с товарами от Васильева. Данила проверил,

все сошлось. Городской купец торговал честно, даже не подменил сортом хуже.

Неизвестно, какими путями гиляки узнали, что новый купец уже с товаром, но на следующий день начали прибывать охотники. Огромный амбар начал заполняться связками соболей, чернобурок. Товары, присланные Васильевым, занимали едва угол, таяли медленно, зато бора шкурок быстро росла. За простой нож — три соболиных шкурки, а кремневое ружьишко — сто пятьдесят шкурок! Виданное ли дело? Особым спросом пользовались железные топоры и котелки, без них в тайге не прожить, а цена на них определялась просто: сколько соболиных шкурок поместится в котле, такая ему и цена. Хоть большому, хоть малому. Стоимость топора узнавали также надежно: брали мордами три-четыре шкурки, совали в обух. Сколько пролезет, столько и стоит.

Цена, по мнению Ильи, грабительская: шесть иголок за добротную шкурку соболя! Иголок Васильев прислал огромный ящик, пуда на четыре. Еще мешок бус, которые шли по связке за шкурку.

Как ни много прислал товару Васильев, растаяло за неделю. Гиляки же ехали и ехали, везли шкурки. Данила охрип, объясняя, показывая на пустой склад, что, кроме шкурок, не осталось ни иголки, ни бусинки, но гиляки кивали, лопотали по-своему, оставляли связки шкурок, отбывали. Данила записывал, сбивался со счета. Илья удивленно крутил головой, но не вмешивался.

Данила не выдержал:

— Илья, мне надо в город. Стыдно перед гиляками. Они мне навезли в долг, даже не уговорились о цене, про отдачу. Не могу я таких овец обманывать, Бог не простит. Отвезу часть шкурок Васильеву, наберу товаров в долг. Пусть пришлет работников, заберет эти шкурки.

Илья промычал нечленораздельно, глаза сощурились:

— Гиляки тебе верят. Зря, конечно. Если сгинеешь, кто отдаст?

— Ты, — ответил Данила сердито, — но я не сгину.

Данила оседлал Буяна, подвязал две сумки с образцами шкурок. Илья стоял на пороге амбара, его широченные плечи занимали весь проем. В руках у него было его удивительное ружье, в дуле которого вполне мог спать Рябко.

— За склад не бойсь, — сказал старший брат. — Буду ночевать тут. Рябко освоился, вражину зачует заранее.

Данила тронул поводья, Буян пустился осторожной рысью вдоль берега.

Город показался, когда солнце уже зажгло в небе облака. Еще через час копыта Буяна застучали по бревенчатой мостовой. Радостные лучи заглядывали в окна, блестели в лужах, оставшихся после ночного дождя.

Постоялый двор жил своей неспешной жизнью.

Данила передал поводья работнику, поднялся на веранду.

Прибежал половой, поставил перед Данилой неизменное мясо с кашей.

Данила ел, посматривал на улицу. Проезжали подводы с сеном, телеги, нагруженные дровами, прогнали стадо коров на бойню. Прокатила легкая коляска, но не княжеская, попроще, запряженная парой неказистых лошадей. Когда наконец Данила увидел ее коляску, его будто взрывом сбросило вниз. Ворвавшись в конюшню, он быстро оседлал Буяна, дрожащими руками распутал узел, взлетел в седло. Буян тут же сорвался с места.

Данила догнал коляску, пустил коня рядом. Наталья сидела одна, ее лицо разрумянилось, глаза счастливо блестели. Увидев Данилу, она удивленно откинулась, брови приподнялись вверх.

Данила приподнял шляпу, улыбнулся во весь рот. Наталья фыркнула, попробовала глядеть прямо перед собой, не замечая всадника, потом все же спросила:

— Похоже, вы переселились в город. Соблазны притянули, трактиры, девки.

— У меня один соблазн, — ответил Данила, по-прежнему широко улыбаясь. — Что делать! До тех пор, пока вы не переедете ко мне, буду торчать здесь.

Не утерпев, Наталья бросила на него быстрый взгляд. Он ехал в медвежьей шкуре, загорелый, синеглазый, белые зубы блестели. Синяки почти сошли, желтые пятна делали его лицо старше, суровее. Ей показалось, что он смотрит на нее с дружеской насмешкой, она вспыхнула, отвернулась.

— Я думаю, — проговорил он задумчиво, — вы предупредили родителей.

— О чем? — спросила она с невольным любопытством.

— Что выходите за меня замуж. Старики медленно думают, пока привыкнут к этой мысли.

Наталья истерично расхохоталась, потом сердито ответила:

— Мой отец совсем не старик. И ничего подобного я ему не говорила.

— Зря, — упрекнул ее мягко Данила.

Она отвернулась, губы обиженно надулись. Коляска неслась лихо, свежие сытые кони бежали весело, чувствовали свою силу. Буян легко держался рядом, он не любил уступать и обогнал бы, если бы не причуды хозяина.

Неожиданно девушка рассмеялась совсем доброжелательно:

— На вас нельзя сердиться. Это я, дуручка, воспринимаю серьезно ваши слова, злюсь, а надо...

Она запнулась, подыскивая слово, и Данила, наклонившись в ее сторону, подсказал:

— Не принимать серьезно, а обращаться как с некрещеным гиляком.

Ее щеки чуть заалели. Она ответила, не поворачивая головы:

— Ну зачем так прямо?

— Воздух тут такой, что люди начинают говорить и поступать прямо. Воздух свободы. Только не все умеют так говорить и поступать.

Кучер начал натягивать вожжи, придерживая лошадей.

Данила крикнул ему резко:

— Не останавливай! Езжай до конца улицы.

Кучер вопросительно оглянулся на хозяйку, она промолчала. Он пожал плечами, крикнул:

— Пошли! — И коляска покатила дальше, хотя и не так быстро.

Наталья после молчания сказала:

— Вы хотите сказать, что я не свободна?

— Я не хочу это сказать, я сказал.

— Вы же прямой человек. Да, я не свободна. На мне много оков: совесть, Бог, мораль. Я эти оковы не стану сбрасывать, куда бы не переехала.

Он смотрел, не отрываясь, на ее гордый профиль:

— Браво! Много слов, а правды нет. На самом деле у вас одни оковы: спесь! Не думаю, чтобы Господь запрещал вам прийти в руки простого таежника вроде меня!

Она очень долго молчала, не поднимая головы, потом также долго молча смотрела вдаль. Мимо промелькнул последний домик, бревна мостовой кончились, дальше улица незаметно перешла в дорогу, ведущую из города. Кучер несколько раз оглянулся, но хозяйка молчала, и он пустил коней шагом.

Наталья, тщательно выбирая слова, сказала:

— Вы странный человек. Держитесь подчеркнуто по-таежному, а говорите как образованный человек.

Данила засмеялся:

— Вы не ломайте голову насчет образованности. Пришлось учиться в детстве и книжки почитать.

Коляска спокойно катила вдоль реки. Солнце зажгло сопки на том берегу. Зелень сверкала изумрудными искрами, а песок был удивительно оранжевым, солнечным.

— Здесь красиво, — сказала Наталья и после паузы добавила: — В красивом месте живете. Я вам завидую.

Он улыбнулся:

— Часто будете любоваться этим видом из окна своего дома.

Ее брови сошлись на переносице:

— Вы опять за свое!

— Наталья, — ответил он весело, — я говорю, у меня предчувствие. Семья такая. Говорят, моя прабабушка была ведьмой.

Наталья бросала быстрые взгляды, не зная, как себя вести. Он ехал рядом на рослом коне, статный, широкоплечий. От его улыбки веяло силой и удаью. В глазах искрилось озорное веселье, и за этими синими как небо глазами она видела сильный ум, ясный и честный.

— Ведете себя странно, — повторила она в который раз.

— Петух распускает хвост, голубь надувает зоб и урчит, лис и журавль пляшут, спень ревет, тетерев токует...

— Это животные, — прервала она, — у них нет разума.

— Меня тянет к вам сердце, а не разум. Если бы я слушался разума, то послушался бы его предупреждений о ваших уродствах.

— Каких это? — поинтересовалась она с ядовитым спокойствием.

— Ну, дворянская кровь. Это похуже, чем кривые ноги.

Она сердито кусала губки. Дикарь издевается. Красивый, насмешливый, с огоньком в глазах. Плечи такие, что надо поворачивать голову, чтобы увидеть оба. Руки длинные, мускулистые.

Ее щеки обдало жаром. Она быстро отогнала видение, в котором он держал ее в руках, а лицо было близко и синие глаза смотрели в ее глаза.

— Вы отрываете меня от работы, — сказала она с достоинством. — Я хоть и княжна, а не просто дворянка, но я работаю! И ноги у меня не кривые.

Смех заплесал в его глазах:

— И много зарабатываете? Может, я найду вам работу получше?

— Пантелей, прошу вас, поворачивайте обратно. И не останавливайтесь, пока не приедем в школу.

Кучер гикнул, развернул коней по крутой дуге.

Данила не сдвинулся с места, спросил:

— Мы увидимся?

Рассерженная — он не последовал за ней — Наталья ответила с холодноватым достоинством:

— Я не часто езжу сюда. Может, вы приедете к нам в дом. У нас часто бывают гости, разные.

— Я приеду обязательно, — крикнул Данила вдогонку.

Весь день у Натальи валилось все из рук. Ее о чем-то спрашивали, она отвечала, объясняла, в голове был хаос, мысли метались горячечно, сумбурно. Вид у нее был подавленный. Всеволод встревожился:

— Натали, что с тобой?

— Устала немножко, Сева.

— Отдохни, милая, — сказал он нежно. — Может, что нужно, я сам принесу, сестренка!

— Я чуть отдохну. К ужину выйду.

Она закрылась в своей комнате, бросилась, не раздеваясь, в постель. Минуту лежала неподвижно, затем ее будто подбросило, она бесцельно стала ходить по комнате, переставляя вещи. Пальцы ее мелко дрожали, в зеркале мелькнули блестящие и расширенные от возбуждения глаза. Щеки то покрывались смертельной бледностью, то их заливало жгучим румянцем. В груди стоял ком, порой становилось трудно дышать.

Наталья снова бросилась на постель, плотно зажмурила глаза. Тут же замелькали яркие цветные картины: она скачет на коне рядом с этим Ковалевым; он держит ее в руках, обнимает, у него горячие губы и сильные руки. Сквозь плотно сомкнутые веки она видела его рот, его руки, видела себя, и горячая кровь приливала не только к щекам. Как он смеет, этот дикарь, так с нею обращаться... Как он смеет?

До ужина, когда к ней обещал податься брат, было далеко, и Наталья честно боролась, сопротивлялась изо всех сил. Когда Всеволод поднялся и постучал в комнату сестры, там было тихо. Встревоженный, он постучал снова, потом тихонько открыл дверь.

Наталья лежала навзничь, прикрыв глаза от света ладонью. Брат кашлянул, спросил шепотом:

— Ты не спишь? Может, принести ужин сюда?

Ее губы чуть шевельнулись, Всеволод заметил горячий румянец на щеках сестры. Она приподнялась:

— Нет, я иду.

Голос у нее был непривычно изменившийся. Всеволод задержался у двери, глядя пристально на сестру. Она встала, двигаясь как во сне, неверными движениями поправила волосы. В ее глазах он увидел незнакомое выражение: изумление, боязнь и стыд.

— Папа пришел?

— Велел ужинать без него. Успеет к чаю.

Она кивнула, медленно вышла из комнаты. Брат пошел следом, он даже руки вытянул, чтобы в случае надобности поддержать сестру. За ужином Наталья пришла в себя, развеселилась, много болтала, шутила, и только Всеволод изредка замечал ее отстраненный взгляд, будто за столом оставалось только тело Натальи, а душа ее отсутствовала.

6 глава

Всяк сверчок знай свой шесток

Князь Волконский не любил, когда его называли князем. Всякий раз это отгораживало, ставило незримый барьер. Одни этот барьер не решались перейти, другие не умели, третьи, а были и такие, самолюбивые, не хотели.

Волконский детей воспитал в духе равенства и братства перед Богом и законом. Рождаются все одинаковыми, дво-

рянами или простолюдинами их делают сословные различия, над которыми давно смеются в просвещенной Европе. Всеволод из кожи лезет, работает поболее много простолюдина, освоил столярное и слесарное дело. Может прокормиться хоть своей головой — диплом инженера! Хоть руками — возьмут в любую рабочую артель. Наталья с детства делит людей на умных и глупых, на честных и криводушных, на жадных и бескорыстных. В ее присутствии самые близкие подруги не осмеливаются говорить о титулах.

Словом, Волконский старался не помнить, что он князь, если не напоминали. Но сегодня явился к себе в кабинет извинченный. Его обычно мягкое лицо потвердело, ясно проступили черты его отца, неистового Петра Волконского — кавалериста и дуэлянта, даже проявились жесткие линии скул Павла Волконского, героя задунайских баталий, кавалера боевых орденов Святого Георгия Победоносца трех степеней.

Служащие притихли, укрылись, как мыши за буграми, воздвигнув перед собой на столах груды бумаг. Волконский с ходу велел вызвать адвоката из городского суда Арнольда Дьякова. Не пригласить, как отметили чиновники, а именно вызвать. Пахнет грозой.

Дьяков прибыл тут же, осторожно приоткрыл дверь, поклонился:

— Вызывали, Андрей Петрович?

Волконский, который ходил взад-вперед по кабинету, резко остановился:

— Арнольд Борисович, как вы объясните свое поведение?

Дьяков сделал три шага по ковровой дорожке, остановился, не доходя до массивного стола градоначальника. По ту сторону располагающе смотрит легкое кресло, но сам Волконский стоит, глаза мечут молнии, и Дьяков тоже стоял, выражая всем своим видом недоумение и неизменную верность и покорность князю.

— Простите, Андрей Петрович, — взмолился он, — я не совсем понял, что вы имеете в виду.

— Мне доложили, хотя с большим опозданием, что у вас была безобразная драка с каким-то бродячим купчишкой! Меня не интересуют и не касаются ваши увлечения английским боксом, хотя человек вашего ума мог бы... В том грязном инциденте упоминалось имя моей дочери!

Дьяков вздохнул, его голова упала на грудь. Прерывающимся голосом он сказал:

— Это было. Я не знал как поступить. Этот пьяный купчишка, как вы точно изво-

лили выразиться, заявляя во всеуслышание, что женится на вашей дочери. Когда говорил о ней, делал весьма недвусмысленные жесты. Толпа таких же пьяных и грязных бродяг злорадно хохотала.

Волконский, задыхаясь от гнева, спросил:

— Вы это точно знаете?

Дьяков потупил взгляд:

— Точно. Я понимаю, недостойно было мне, дворянину. Я не выдержал, проучил мерзавца. По-мужицки, кулаками. Не на дуэль же вызывать! Другого эти скоты не понимают.

Волконский сорвался с места, заходил взад-вперед. Дьяков стоял в почтительной позе, чуть наклонившись, не отрывая преданного взгляда от градоначальника. Волконский искоса поглядывал на быкообразного атлета, который сгибался под весом мускулов. Предан, как английский бульдог, силен, как медведь, в то же время быстр, как молния. Такой если проучит, то проучит.

— Этот торговец в городе бывает часто?

— Купец Васильев отпускает ему товар. Тоже темная личность, надо навести о нем справки.

Волконский отмахнулся, нахмурился:

— Это лишнее. Я хочу лишь, чтобы имя моей дочери не упоминалось в связи с этим торгашом.

Дьяков развел руками, поклонился, пряча блеск в глазах.

— Пьянство и похоть заставляют забыть о многом. Этот торгаш не то отбил в пьяной драке, не то выиграл в карты у китаез молоденькую гилячку, совсем ребенка! В лесу услаждает похоть ею, когда приезжает в город, здесь ищет новые, простите, объекты. Похоть играет, водка, разгул... Ваша дочь показалась ему подходящей...

Волконский так побледнел, что Дьяков испугался за князя:

— Ради Бога, не берите так близко к сердцу.

— Когда этот мерзавец появится в городе, арестуйте его! Пусть Батраков посадит его в холодную. За дебош, за оскорбление. Нет, имя моей дочери не упоминать. За дебош, драку. Пусть узнает, что в городе правит закон.

— Хорошо, — быстро согласился Дьяков. — Все уладим, и купчишку изгоним. Он спит с инородцами, то есть с женами гиляков, у них такой обычай угождать гостя. Гиляки, как вы знаете, народ вымирающий, весь в плохих, заразных болезнях, не к обеду будь сказано. Беда не в том, что купчишка спит с их бабами, а

может принести заразу в наш православный город. Когда я увидел его вчера с вашей дочерью...

— Что-о! — взревел Волконский.

Дьяков молитвенно сложил руки, сделал остороженький шаг вперед. Лицо стало умоляющим:

— Только не волнуйтесь! Я не хотел говорить, но княжна Наталья, не вините ее. Понятно: таинственный незнакомец, на плечах накидка, как у древнего тевтона, американский винчестер и прекрасный конь, наверняка краденый... Словом, она выезжала с ним за город.

— Моя дочь Наталья? Откуда вы знаете?

Дьяков торопливо ответил:

— Кучер рассказал. Моя профессия заставляет быть в курсе всех дел. Неприятно, грязно, но я вынужден знать все сплетни в городе, чтобы лучше защищать интересы своих клиентов. Только, ради святого, не вините княжну Наталью. Она не знает жизни, она чистый невинный ангел! Это все этот похотливый мерзавец! Я даже узнал, что он один такой в работающей религиозной семье Ковалевых. Выродок! Отец с братьями отвернулись от него.

Кулаки Волконского сжимались от гнева.

Дьяков быстро проговорил:

— Андрей Петрович, я питаю к вашему семейству столь глубокое почтение... Я просто обязан вмешаться, долг любого порядочного человека! Я остановлю этого мерзавца. Побываю в его краях. У адвоката дела могут быть везде, поговорю с нужными людьми. Разберусь.

Волконский набрал в грудь воздуха, лицо его приобрело синюшный оттенок. Князь шумно выдохнул, ответил мертвым голосом:

— Спасибо, Арнольд Борисович. Я решу сам. Это наше семейное дело.

— Андрей Петрович, умоляю!

Волконский ответил все тем же бесстрастным пугающим голосом:

— Я запрещаю вмешиваться. У меня достаточно власти и влияния, чтобы разобратся и наказать любого человека во всем Приморье!

Дьяков поклонился, попятился к двери. Надменный князь дал понять, что на эту тему говорить не изволит. Сам решает, казнит или милует.

Волконский вернулся к столу, сел. Он совладал с собой, лицо стало каменным, заострилось и потемнело. Дьяков с поклоном закрыл за собой дверь. Так он и даст разобраться этому законнику, хуже того, либералу! Начнет выяснять, копать-

ся, усомнится, ведь многое шито белыми нитками, и для него, зараженного вольномыслием, презумпция невинности значит многое.

Что ж, зато он, Дьяков, человек свободный, старыми предрассудками не связан...

...Васильев шкурки принял, хотя цену дал малую. Данила пробовал торговаться, но прижимистый купец как ножом отрезал:

— И так беру из расположения. Что я с ними буду делать? Ждать okazji, чтобы либо отправить в устье Амура, а там перепродать американцам или япошкам, либо при случае сбавить в обоз, который идет в Россию. Не люблю мне заниматься такими лесенками. Люблю прямые обмены, прямую продажу.

— Американцы дают хорошую цену?

— Но до них надо еще добратся. Хоть заведи собственный пост, поставь склад на берегу Тихого океана. Для этого большой капитал надобен. Окупится с лихвой, но сперва надо потратиться. Я бы мог, но не по мне такое. Я охочусь за золотишком, за камушками. За них я тебе что хошь достану.

Данила оптом запродавал все шкурки, какие у него были в складе, набрал товару. Не Бог весть как много, но два баркаса загрузил почти вровень с бортами. Еще Васильев обещал дюжину хороших ружей, целый ящик патронов, но паром запылялся, должны к вечеру доставить.

Отправив баркасы (Илья примет), Данила побрел обратно в город. Солнце еще не садилось, на бревенчатой мостовой оседала серая пыль. Только на пристани да на той части улицы, которая спускалась к реке, бревна блестели от влаги, воздух был чистый.

Вернувшись на постоянный двор, Данила наскоро перекусил и не успел сообразить, чем заняться (ружья можно будет получить не ранее утра), как ноги сами понесли его в конюшню.

Буян не удивился, когда Данила снял с гвоздя на стене его седло. Конь пошарил по карманам хозяина, выловил облепленный хлебными крошками кусок сахара, потом бодро понес его вдоль единственной улицы. Он чувствовал, куда нести и где остановиться.

Конь остановился, затем опять шагнул, уловив нерешительность хозяина. Данила поймал себя на трусливой мыслишке проехать мимо. Одно дело встретить волшебную девушку на улице, другое — явиться к ней в дом.

Рассердившись на себя, он прыгнул, привязал коня у фонарного столба. Дом казался огромным, мрачным. Сердце стучало громко, мощно, и Данила бегом взбежал по ступенькам, резко и сильно постучал.

Дверь открылась почти сразу. Привратник посмотрел в его лицо вопросительно, потом с удивлением и, как показалось Даниле, пренебрежительным взглядом окинул его с головы до ног.

Данила вспыхнул, властно сказал:

— Отворяй двери, дед! Я в гости, не воровать.

— Куда, куда? — не понял привратник. — К кому в гости? К Варваре? Так к ней с черного хода.

— Сам ходи с черного, — буркнул Данила.

Оттолкнув привратника, Данила шагнул через порог. Комната была громадная. Наверное, это называлось залой.

Привратник что-то верещал, грозился, цеплялся за рукав. Данила прошел через зал, остановился в затруднении. Три двери, плотно закрытые, еще три двери были наверху, туда вела широкая деревянная лестница.

Наконец привратник заверещал так, что Данила обратил на него внимание:

— Полиция! Я полицию вызову! Варнак!

Наверху послышался дробный топот. Средняя дверь распахнулась, выскочила встревоженная Наталья. Быстро наклонившись над перилами, бросила испуганный взгляд, ее лицо мигом осветилось радостью.

Она сбежала вниз, стуча каблучками по деревянным ступенькам. Данила ждал ее внизу, и она с разбега, не удержавшись, влетела ему в объятия. Он обнял ее, посмотрел в ее милое лицо, на котором появился испуг, ресницы задрожали, глаза стали еще крупнее, в их радужной оболочке он увидел свое лицо, и вот это лицо приблизилось. Она хотела повернуть голову, но он мягко придержал ее, нашел ее губы. Несколько мгновений ее губы были твердыми, как незрелые сливы, потом из них словно бы ушел страх, они потеплели, стали мягче, нежнее.

Она с трудом отстранилась, упираясь обеими кулачками в его грудь. Щеки ее полыхали, она сказала тихо, не поднимая глаз:

— Данила, мы не должны так делать.

— Натальюшка!..

Он огляделся по сторонам. Они были одни, привратник исчез. Наталья упиралась кулачками в его грудь и, откинув-

шись, смотрела ему в глаза. Данила сказал нежно, сильно смущаясь:

— Наташа, я люблю тебя. Я так люблю, что мне хочется от нежности к тебе плакать, хоть я никогда в жизни не ревел. Я готов сделать такое, чтобы тебе было хорошо всегда!

Она с удивлением глядела ему в лицо, вслушивалась в слова. Неведомое чувство наполняло ее. Откинувшись на эти могучие руки, крепкие, как корни дуба, и нежные, как теплое дуновение ветерка, она уже чувствовала себя хорошо и защищенно. Ранее никогда не испытываемое тепло пошло по ее телу. Она внезапно покраснела, сделала слабую попытку выбраться из кольца его рук.

— Ох, Данила, что ты со мной делаешь!

— Наташа, я люблю тебя.

— Я тоже... наверное. Хотя это глупо, дико. Отец меня проклянет, а брат разорвет тебя на части. Он меня ревнует ко всем.

Наверху послышались тяжелые шаги. Данила едва успел выпустить Наталью из рук, как вверху распахнулась крайняя дверь. Над перилами появился Всеволод. Он с недоумением посмотрел вниз, удивился:

— Ковалев? Какими судьбами?

Брат быстро сбегал вниз, прыгая через две ступеньки. Щеки его тряслись, но глаза смотрели прямо и уверенно.

— Заехал проведать, — сказал Данила, — мы же соседи.

Всеволод захохотал, хлопнул Данилу по плечу:

— Верно! Что для нынешних расстояний пара сотен верст? Мы, почитай, живем бок о бок. Пройдем в гостиную, есть хорошее вино. Если предпочитаешь, угощу водочкой.

— Спасибо, — ответил Данила. Он покосился на притихшую Наталью. — Я, собственно, по делу.

— Выкладывай.

— Хочу взять Наташу в жены. — Он услышал тихий вскрик Натальи, но не оглянулся.

Всеволод усмехнулся:

— Это не новость, ты об этом уже говорил. Остался пустяк — получить ее согласие. Мы с отцом не варвары, против ее согласия не выдадим.

— Против согласия и не надо, — ответил Данила также невозмутимо. — Она согласна.

Всеволод повернул смеющееся лицо к сестре. Она вскинула голову, встретила его взгляд. Улыбка медленно начала покидать лицо Всеволода. Он нервно оглянулся на Данилу, еще не веря, потом

снова перевел глаза, которые вылезали из орбит, на сестру.

— Натали, ты слышала, что он говорит?

Она судорожно вздохнула, ответила тихо:

— Данила предложил мне руку и сердце. Я приняла его предложение.

Всеволод обалдело переводил взгляд с сестры на Данилу и обратно. Лицо его покраснело, потом снова приобрело нормальный вид:

— Ну, дорогие мои, так и кондрашку можно схватить! Разве так шутят?

— Это не шутка, — ответил Данила.

Всеволод отмахнулся:

— Ну, сестренка, ты отмочила номер. Как наша прапрабабушка, которая сбегала с корнетом. Тайно обвенчалась в церкви, потом укатила с ним на Кавказ, помнишь?

Наталия смотрела на брата:

— Не помню. Наверное, я была совсем маленькая. Ты не сердись?

Всеволод раскинул руки, положил ладони им на плечи:

— Я вас обоих люблю. Если вы ухитрились спеться, что даже я, старший брат, не заметил, то Бог вам в помощь! Все остальное приложится.

Наталия слушала брата с полуоткрытым от удивления ртом.

Данила засмеялся, никогда еще в жизни не был так счастлив.

Гулко хлопнула входная дверь. Послышался сильный властный голос. В ответ что-то залепетал привратник.

Князь ворвался в зал, словно ураган. Сделав два коротких шага, остановился, глаза метали молнии, рука повелительно вытянулась вперед:

— Этот человек Данила Ковалев?

У Данилы радостная улыбка поползла с лица.

Всеволод ответил с удивлением и некоторым замешательством:

— Да, папа. Чем ты возмущен?

— Вон из моего дома! — грянул князь. — Во-он!

Данила увидел расширенные в испуге глаза Натальи. Всеволод обхватил сестру за плечи, прижал к себе. Лицо ее побледнело. Глядя поверх головы сестры, он спросил:

— Папа, что тебя взволновало? Сейчас все объяснится!

— Вон! — взревел князь. Он выбросил руку, указывая на дверь. — Вон из моего дома, мерзавец!

— Я не мерзавец, — ответил Данила, чувствуя, как становится трудно дышать. — Может, как-то объяснимся?

Князь в гневе повернулся к привратнику, закричал:

— Бегом в мой кабинет! На стене ружье! Неси быстрее, я застрелю этого негодяя!

Данила охватил всех мгновенным испытывающим взором. Наталья дрожала, прижимаясь к брату, глаза ее были круглые от испуга и непонимания. Всеволод угрюмо смотрел на отца, сам князь топал от ярости, лицо было перекошено.

— Хорошо, — сказал Данила, он попятился к двери. — Я уйду, не расходуйте патроны.

Белый от ярости и унижения, он толкнул дверь, с порога повернулся:

— До свидания, Наталья. До свидания, Всеволод. Простите, что так получилось.

С крыльца он прыгнул в седло. Буян, уловив его настроение, дернулся в галоп, а когда Данила сбросил повод с крюка, понесся бешеным аллюром, пугая прохожих.

Бешенство застилало глаза. Белая кость, голубая кровь! Княжеская спесь заиграла, увидел быдло в благородном доме! Из Парижа духи, мать твою так! Все они, гады, на словах добренькие, за равенство и братство, а когда кончаются слова, кончается и равенство! Да провалитесь!..

Он вспомнил испуганные глаза Натальи, лицо Всеволода в смятении. Они стояли, будто проглотили языки, не от страха, оба выглядели ошарашенными, явно видели такое впервые. Как же, простолудин пришел в гости!

По сторонам раздавались громкие голоса. Конь пошел тише, чтобы не сбить людей, которые все чаще попадались по дороге. Это был центр городишка, дальше стояли базарные ряды.

Из новенького бревенчатого домика не торопясь спускался по ступенькам широкоплечий человек в белом костюме. Костюм сиял белизной на солнце, ни складочки, брюки безукоризненно отутюжены. На шее широкий желтый галстук. Надвинутая на глаза модная белая шляпа скрывала лицо в тени, но Данила сразу узнал адвоката.

Дьяков соступил на дощатый тротуар, поднял глаза на всадника. Их глаза встретились, Данила мгновенно ощутил, что перед ним враг — виновник всех его бед. Всех, а не только из-за Натальи.

Дьяков поманил пробежавшего мальчишку, сказал:

— Получишь двугривенный, если быстро приведешь сюда квартального!

— Понял, дяденька! — воскликнул мальчишка обрадованно. — Он на базар пошел, я видел. Мигом приведу!

Он исчез, только пятки засверкали.

Данила спрыгнул с коня, бросил поводья проходившему старику.

Дьяков глядел с интересом, глаза его весело щурились.

— Ты мразь и выродок, — сказал Данила четко. — В прошлый раз ты напал на меня неожиданно, без предупреждения. Сможешь ли ты, трус, одолеть меня и сейчас?

Прохожие начали останавливаться, глядели с любопытством.

Лицо Дьякова исказилось. Он победил тогда честно, этот таежный купчишка это знает и сейчас нарочито обливает грязью.

Он медленно стал засучивать рукава. Данила быстро закатал свои. Дьяков закатывал аккуратно, неторопливо, но глаза его цепко держали противника. Народ стоял плотным кольцом, кто-то улюлюкал, слышался смех.

Дьяков с холодной улыбкой выбросил руку вперед. Данила был начеку, но огромный кулак ударил в скулу так, что в голове затрещало. Он отступил на шаг, сквозь пелену в глазах увидел улыбающееся лицо Дьякова. Тот не спешил, наслаждался. Он был быстрее, намного быстрее. Данила попробовал закрыться кулаками, Дьяков снова выбросил, словно бы играючи, вперед руку. Кулак адвоката без усилий ударил Данилу в ту же скулу. В голове зазвонили колокола.

Он отступал, пытаясь укрыться кулаками, Дьяков наступал, осыпая его короткими молниеносными ударами. Бил не сильно, и Данила не сразу сообразил, почему так. Лишь когда кровь брызнула из разбитых губ, он понял, Дьяков намеренно не сбивает с ног, старается как можно сильнее разбить лицо, губы, брови. Чтобы на другой день этот торговец не смог раскрыть глаза на распухом посиневшем лице, не досчитался зубов, особенно передних, таких красивых! Чтобы шрамы всю жизнь напоминали, едва подойдет к зеркалу, кто его так унизил, опозорил.

Он отступал под градом ударов, шатался. Краем глаза увидел собравшуюся толпу. Люди смотрели, кричали, махами руками, подбадривали, хохотали.

Вдруг Данила почувствовал необъяснимую силу.

Он отступил еще, пошатнулся, внезапно с силой ударил Дьякова в живот. Тот охнул, согнулся в пояс. Лицо исказилось. Не успел адвокат разогнуться, Данила обрушил оба

сцепленных кулака ему на голову. Дьяков рухнул, как бык под ударом обуха.

— Вот это по-нашему! — услышал Данила удовлетворенное в толпе.

Люди галдели, только теперь он услышал шум, вопли.

— Берегись! — крикнул Игнат, сын Васильева, и Данила рывком повернулся, но опоздал. Страшный удар послал его на землю. Он перевернулся два раза, начал подниматься, но Дьяков был над ним. Огромный кулак метнулся в челюсть. Данила плюхнулся головой к земле и в сторону, ухватил противника за ногу, дернул. Дьяков не удержался, с размаху сел на задницу. Данила увернулся от мощных рук — Дьяков на пуд тяжелее — и, вскочив, ударил ногой. Дьяков уже поднимался, но удар достал его в лицо. Он упал навзничь, тяжело поднялся, лицо было залито кровью. Данила отступил, ибо Дьяков изготвился ухватить за ногу.

Они кружили, держа друг друга глазами. "Мое спасение", — думал Данила лихорадочно, — избегать английского бокса. Драться за жизнь! В этой драке нет правил. Адвокат выучился английскому боксу, надо не давать ему применять свои приемы.

Дьяков быстро метнул вперед руку, Данила успел уклониться, но попал под более мощный удар. В голове снова зазвонило, он поспешно отступил, упал под следующим ударом, обеими ногами саданул Дьякова в живот. Тот сделал три шага назад, стараясь сохранить равновесие, Данила тут же вскочил. Догнав, ударил ногой, ударил снова. Дьяков шатался, кровь заливала глаза, он то и дело сбрасывал ее пригоршней. Белый костюм был залит кровью.

Толпа уже молчала.

Данила ударил обеими руками, целясь в нос, разбивая лицо. Хрустнули кости, Данила снова ударил правой, потом левой в зубы Дьякова. Тот задохнулся, изо рта брызнула струйка крови, он выплюнул два передних зуба.

И все-таки Дьяков не падал. Шатаясь, он надвигался, огромный и тяжелый как скала. Его руки разошлись в стороны, и Данила отступал, зная, если попадетя в это страшное объятие, Дьяков его задушит, сломает кости, пользуясь силой и огромным весом.

Данила отступал, встречая Дьякова прямыми ударами кулаков в лицо. Лицо адвоката превратилось в кровавую маску. В глазах горела злоба и ненависть. Данила ударил еще и еще. Внезапно

больше бить было некого. Он посмотрел вниз, у его ног лицом вниз лежал Дьяков. Под ним быстро растекалась струйка крови.

Данила наклонился, с трудом перевернул его. Дьяков тяжело дышал, пытался подняться. Лицо его было в серой пыли, которая быстро намокала, смешиваясь с кровью, сползала коричневой грязью.

Данила отступил, отряхнул ладони. Чьи-то руки хлопали по спине, плечам. Его отряхивали, что-то говорили. Данила обвел взглядом собравшихся. Вокруг стояли и шумели горожане, что-то говорили. Стояли лавочники и крестьяне, которые ехали на базар, а чуть поодаль, но совсем близко, стояла легкая коляска. На заднем сиденье стояла во весь рост княжна Волконская. Лицо ее было смертельно бледным, глаза расширены от ужаса и отвращения. Встретившись взглядом с Данилой, она села, что-то сказала кучеру, рысак рванули и понеслись.

Как будто водопад ледяной воды обрушился на Данилу. Он пошатнулся, неверными шагами пошел из круга. Перед ним расступились в благоговейном страхе, глядя на его мрачное окровавленное лицо.

Игнат догнал, грубо схватил за плечо. Данила покорно остановился, слишком опустошенный, чтобы что-то говорить, возражать.

— Не двигайся, — велел Игнат.

В его руке был мокрый платок, которым он стал вытирать кровь. Холодная влага приятно охлаждала разбитые губы.

— Она все видела? — спросил Данила глухо.

— Кто? — не понял Игнат. — А, барыня в коляске? Да, почитай, с самого начала.

Сердце Данилы упало. Он чувствовал заботливые руки парня на лице, мокрый платок. Холодные капли побежали по шее, рубашка намокла. Значит, она сразу высочила следом, прыгнула в коляску, велела догнать, хотела что-то сказать, объяснить, а он все разрушил своими руками.

— Какая жуть для нее, — вырвалось у него.

Игнат удивленно посмотрел на сотоварища его отца:

— Почему? Ты не знаешь баб. Ей вполне могло понравиться.

Примчался запыхавшийся квартальный в сопровождении ликующего мальчишки. Ему дали дорогу, мальчишка закричал, указывая пальцем на неподвижного Дьякова:

— Он вызывал!

Квартальный окинул быстрым взглядом толпу, перевел взгляд на Данилу:

— У него были причины, да? Ты под арестом, парень.

— За что? — устало спросил Данила. Ему было все равно. Наталья видела его в звериной драке, видела с окровавленными кулаками, озверевшего.

— В участке разберемся. Хотя бы за драку.

Толпа шумела. Несколько крепких мужиков поперли грудью на квартального:

— Все было по-честному! Они дрались по уговору, мы свидетели.

Из толпы выдвинулся пузатенький мужчина в пенсне, сказал дрожащим голосом:

— Это было ужасно. Но я свидетельствую, что каждый мог отступить. Никто ни на кого не нападал. Нравы в этом краю дикие, но нарушений закона не было.

Народ одобрительно загудел.

Квартальный в затруднении огляделся, сплонул в сердцах:

— Так какого дьявола меня звали. Там конокрады на базаре! Вылейте господину ведро воды на голову. Нет, лучше вызовите доктора! Похоже, он в нем нуждается больше, чем во мне.

7 глава

В чужом пиру похмелье

Князь выглядел ужасно, когда на следующий день явился в контору. Потемневший, с кругами под глазами и резко

обозначившимися морщинами. Он нервно ходил взад-вперед по кабинету, не зная, что делать, за что взяться.

Горячий характер не раз подводил его в Петербурге. Крутой, независимый в суждениях, он навлек недовольство, был переведен в Москву, потом назначен начальником строительства железной дороги. Когда и там не смолчал, обнаружив казнокрадство, те же влиятельные чины сумели добиться его перевода сюда, на Дальний Восток.

Признаться, князь в первые дни возненавидел Приморье. Кто же в восторге от ссылки, но потом, узнав людей этого края, познакомился с этой новой породой человечества, начал понимать, а затем и полюбил необузданность, лихость и бесшабашность, ту предельную свободу, в которой человек раскрывается во всей красе.

Но этот же горячий характер заставил наорать на Ковалева. Может быть, тот заслуживал, но ведь накричал с ходу, не разобравшись, не дав слова сказать в защиту.

Он застонал от стыда, даже глаза закрыл. Как дедушка-крепостник, право же! Ковалев такой же человек. Может быть, даже лучше. Это нужно постоянно напоминать себе, чтобы не сорваться в барскую спесь, не дать права гнусным инстинктам взять верх.

Накричал, оскорбил молодого купца. Черт с ним, с купчишкой, но оскорбил и тяжело обидел единственную дочь, которую любит больше жизни. Его Наталья, нежная и удивительная, вобравшая в себя все лучшее, что было в длинной родословной князей Волконских! Дочь — гордая, нежная, интеллигентная, самоотверженная. Хотел же оставить ее в Петербурге у дяди — так обиделась, заявила, что ее прабабушка поехала в Сибирь на каторгу, только бы не разлучаться с родным человеком, а он думает, что она, княжна Волконская, оставит родимого и очень любимого батюшку одного?

Теперь она заперлась, плачет навзрыд. Велела передать через прислугу, что не сойдет вниз, если он не отыщет молодого Ковалева и не извинится перед ним. Конечно, это сгоряча, он не намерен извиняться перед этим мерзавцем, посмевающим после всего еще и явиться к нему в дом, но как-то смягчить надо. Да и чересчур блестели глаза у Арнольда Дьякова, не преувеличил ли? Надо пригласить этого удалого куп-

ца Калашникова, расспросить, разобраться.

Он вызвал Соловьяшкина, помощника, велел:

— Разыщи Данилу Ковалева, пришли ко мне. Кажется, он остановился на постоялом дворе.

Полдня он занимался делами, все валилось из рук. К обеду явился Соловьяшкин, сказал очень ровным голосом:

— Я отыскал Ковалева. Он отказался явиться.

— Как отказался?

— Грубо, — ответил Соловьяшкин лаконично.

— Ты передал ему?

— Да. Я сказал, что вы велите ему явиться.

— Дурены! Не велю, а приглашаю. Это не Петербург, здесь даже бурундуки с гонором.

— Ковалевы из переселенцев, — напомнил Соловьяшкин. — Прибыли в прошлом году.

— Для таких людей и одной недели хватает, чтобы надышаться воздухом вольности.

Князь стиснул кулаки, пережидая приступ гнева. Ладно, это не он, это в нем говорит голос крови, поколения предков, среди которых почти все владели землями и крестьянами.

— Что он делает?

— Седлал коня. Еще один конь стоял навьюченный. Два мешка по бокам, третий поперек седла.

Князь быстро выглянул в окно.

— Сходи еще раз, спроси, куда едет. Чтобы в случае необходимости его можно было отыскать.

Не находя себе места, князь вышел, запер кабинет. Горячее полуденное солнце добавило жару. Он пошел по улице, стараясь держаться в тени.

Громкие голоса заставили его поднять голову. Он вздрогнул. Оказывается, ноги сами принесли его к постоялому двору. Из ворот выезжал верхом рослый парень. На его плечах был кожухок из медвежьей шкуры мехом наверх. Лицо парня было нахмуренным, глаза метали молнии. Он не заметил князя, который сразу отступил в тень ветвистого клена. Рядом шел, держась за стремя, Соловьяшкин, говорил убеждающе:

— Князь изволит знать, куда ты и с какой целью направляешься? И не перечь, то князь, а ты кто?

— Я Ковалев, — отрезал парень. Он сидел гордо, прямо, плечи его были ши-

роки, а взгляд смелым. — Куда и зачем я еду — мое личное дело.

И Ковалев ногой отшвырнул руку Соловьяшкина.

Конь пошел вперед крупной рысью. Второй конь, привязанный долгим поводом к первому, послушно бежал следом.

Князь проводил всадника долгим взглядом. Заигрываешь с каждым простолюдином, все время твердишь себе, что ты такой же, не лучше, а у этого удалыца нет чувства вины за предков, держится как дворянин. Куда там дворянину — как владетельный князь, горд, неуступчив.

Данила держал коней на рыси, пока не увидел впереди каменный дом. Поколебавшись, он остановился, спрыгнул, привязал коней к фонарному столбу.

Двери распахнулись, едва ударил кулаком. За сонным лицом привратника виднелось удивленное лицо Всеволода:

— Данила! Как хорошо, что все обошлось. Наш отец горяч, но человек добрый.

Он проводил Данилу в большую комнату. Данила подождал, Всеволод исчез, и вскоре сверху по деревянной лестнице застучали дробно крохотные каблучки. Наталья сбежала, ее глаза были обрадованные, большие и веселые:

— Данила! Папа поговорил с вами? Как хорошо, что все так...

Она остановилась перед ним, словно запнулась. Ее глаза обшаривали его хмурое лицо. Ее рука застыла в воздухе на полпути, будто удержала себя от того, чтобы броситься ему на шею. На щеках появился слабый румянец.

Он бережно взял ее тонкие пальчики в свою ладонь, ответил тяжело:

— Я не виделся с твоим отцом, Наталья. Он приказал через своего лакея явиться к нему, но видимо, я не дорос до вас. Сейчас я уезжаю надолго. У меня появились дела в окрестностях. Я не мог уехать, не увидев тебя, не попрощавшись.

Он наклонился, бережно коснулся губами ее бледной руки. Видел, как это делают благородные, посмеивался, но сейчас губы обожгло слабой болью. Под тонкой нежной кожей пульсировала голубая жилка. Данила едва оторвал от нее губы. В его глазах было страдание.

Наталья сказала тихим, как утренний ветерок, голосом:

— Вы не должны уезжать сейчас. Папа обещал разобраться, все выяснить. Он

добрый и справедливый. Он уже сделал шаг вам навстречу.

— Я этого не заметил.

— Данила, это мой отец, — напомнила она. В ее больших серых глазах блеснули слезы, но в голосе появились предостерегающие нотки. — Я его очень люблю. Если вы сейчас уедете и не встретите его на полпути...

Данила отступил на шаг. Ее белое худощавое лицо с гордо приподнятыми скулами было напряженным. Он быстро пошел к дверям. Взявшись за ручку, повернулся, и они впервые увидели, что его голос может быть острым как бритва:

— Я за свою жизнь не сделал ничего позорного. Но я не стану сидеть у вашего порога, как трусливый пес, ожидая, когда же ваш отец изволит небрежненько окинуть меня взглядом и решить, годюсь ли я для его дочери? Никому, кроме Господа Бога, и даже ему...

Он шагнул через порог, очень вежливо закрыл за собой дверь. Его трясло от бешенства, губы прыгали, он торопливо сбежал вниз к коню. Хорошо, что не сорвался в их присутствии.

Брат и сестра стояли неподвижно. За окном раздался стук копыт двух коней, он вскоре утих в северном конце города.

Всеволод, тяжело вздохнув, проговорил:

— Этот таежник достоин уважения, даже восхищения.

Он бережно обнял сестру за плечи, повел по лестнице вверх в ее комнату. Плечи Натальи вздрагивали, слезы, долго сдерживаемые, сорвались и побежали по нежному щекам, оставляя блестящие дорожки...

Лето было сухим, Татиба обмелела, не получая ливневых вод вдобавок, и Данила переехал на ту сторону, не замочив ног, только тюки подвязал повыше. Раздражение и отчаяние постепенно выветрились, на смену пришла мрачная решимость. Пусть весь мир против, но надо драться, если даже нет никаких шансов на победу. Это в крови Ковалевых, в их роду.

Не рой другому яму

Внезапно Данила ощутил опасность. Он настороженно огляделся, не понимая, что его тревожит. Потом уловил горьковатый запах дыма. Нет дыма без огня, а огонь — опасность, беда для леса и лесных жителей.

Он бесшумно спрыгнул с коня, замер. Через несколько минут снова уловил горьковатый запах, на этот раз уловил направление. Где-то в распадке между сопками слева горел костер.

Данила повел коней в поводу, прислушиваясь, наблюдая и за птицами, которые могли указать на опасность.

Отыскав подходящую лужайку с хорошей травой, он привязал коней, а сам стал прокрадываться дальше, пригибаясь, замирая при каждом подозрительном шорохе. Запах костра стал слышнее, донесся даже аромат жареного мяса.

Данила присел, долго прислушивался, потом очень медленно пополз вперед. Зеленые ветки загораживали дорогу, он их отстранял осторожно, старался не наступить на сухую ветку.

Данила подполз ближе, начал различать голоса. Мужской хриплый голос грязно ругался, бранил погоду, какого-то Мишку Паука, вспоминал предыдущую пьянку. Ему лениво отвечал другой голос, насмешливый и неторопливый. Данила приблизился еще малость, дальше рискованно, зато услышал окончание разговора:

— Ворошило собрал всех, сегодня разнесут склад Ковалевых, пришьют его самого и его помощника-братаца.

Данила похолодел. Сегодня разнесут его склад, Ворошило собрал всех! Сколько у него людей? Продержится ли Илья? Он один, если не считать ленивого пса. Да и не боец его старший брат. Подратятся на кулаках еще горазд, но стрелять в человека...

Данила на четвереньках отполз, затем отбежал пригибаясь, вскочил в полный рост и бегом вернулся к коням.

В поводу он вывел коней за деревья, которые заглушают звук, вскочил в седло. Несколько минут ехал шагом, не давая копытам стучать о твердую землю, и пустил вскачь.

Он проехал вдоль ручья, потом круто свернул в сторону реки. Растерянность улетучивалась, злая идея выплывала из сознания. Ворошило распоряжается так, будто он тут хозяин полный. Остальные — холопы и рабы, а он обращается с ними, как маньчжурский нойон с гиляками. Такой человек разумных доводов не понимает. Может, если разобьют морду в кровь, тогда поймет. С каждым надо говорить на его языке...

Склады Ворошилы лежали как на ладони. Большой амбар, рядом маленький бревенчатый домик, крытая конюшня. Из трубы избушки вился дымок. Двери конюшни закрыты на толстый засов, место кажется опустевшим.

Данила слез с коня, повел его в поводу. Дорога вниз идет круто, ноги скользят. Буян испуганно тряс головой, норовил выдернуть повод. Камешки сыпались из-под ног и копыт, громко стучали внизу. Данила тревожился, рукой нащупывал револьвер, косился на ружье.

Затаившись, он долго наблюдал, пока не заметил худощавого парня. Тот, сильно прихрамывая, вышел из домика. В одной руке держал нож, в другой — покрышку седла. На какое-то время скрылся в конюшне, потом вернулся с ножом за поясом. Руки были пустые.

Данила подождал, пока парень скрылся в доме, и быстро выбежал, понесся через открытый двор. Он держался глухой стены, окна выходили на другую сторону. В доме было тихо, и Данила на цыпочках взбежал на крыльцо.

С минуту прислушивался. За дверью тихо. Вытащив револьвер, Данила набрал в грудь воздуха, резко выдохнул, пинком открыл дверь. Парень стоял к нему спиной посреди комнаты, держа в руке

узду. Он начал поворачиваться на шум, раненая нога не позволяла двигаться резко. Он так и не увидел, кто ударил его.

Данила взглянул на неподвижное тело, сунул револьвер в кобур.

Ноги связал уздечкой, руки скрутил веревкой. На всякий случай заткнул рот кляпом, подумал и привязал его спиной к шесту и в таком виде затолкал под деревянную лежанку-скамейку.

Быстро передвигаясь, прислушиваясь, Данила обыскал избушку. Потом нырнул через боковую дверь, которая вела в склад. Сарай был огромный, под стенами стояли большие ящики, правая сторона завалена мешками и тюками.

Данила отыскал два мешка с порохом, бегом отнес в избушку. Приоткрыл дверь в чулан, связанный лежал не двигаясь. Захлопнув дверь, потопал ногами, прислушиваясь, потом приподнял железным ломиком отесанные доски пола. Как определил по звукам, утрамбованная земля уже просела, свободного места было хоть отбавляй.

Он высыпал туда мешок пороха, уложил доски на место. Хотел уйти, но пришла мысль еще, и он бегом ринулся в склад, притащил пригоршню патронов. В очаге лежали сухие березовые поленья поверх черных углей и серого пепла. Данила снял поленья, уложил патроны на камни, засыпал холодным пеплом, уложил угли и поленья, а сверху поставил чайник. Чайник был большой, полный воды.

Уже с порога вернулся, еще раз сходил в склад. Мешки с порохом стояли в дальнем углу, накрытые брезентом. Данила распорол один из них, второй взял с собой и, карабкаясь по товарам вдоль стены, просыпал пороховую дорожку до самой двери в избушку. Открыв дверь, бросил прощальный взгляд. Проход чист, мешки с порохом по-прежнему накрыты брезентом. Под стеной порох просыпался за ящики, его не видно.

В чулане охранник все еще был без сознания, но дышал. Данила вышел, почти не таясь, пересек открытое пространство. За четверть часа вскарабкался на крутой, тщательно выбрал место. Бурелом, толстая валежина справа, с обеих сторон обрыв, позади снижается распадок — путь для отступления.

Он лежал довольно долго. Солнце пригревало, и он передвинулся под кустом, не выпуская из поля зрения склад, дом и местность. Склад Ворошило был

как на ладони. Его поставили на открытом месте так, чтобы незамеченным нельзя было подойти, но сейчас это было только на руку.

Данила увидел, как из-за дальнего мыска деревьев выехали двое, потом еще двое и еще... — восемь всадников. Двоих везли поперек седла, еще один пошатывался в седле, голова обвязана окровавленными тряпками. Рядом держался еще один, протягивал руку, поддерживал.

Злорадная усмешка появилась на лице Данилы, одновременно будто гора упала с плеч. Спасибо тебе, Илья. Честно говоря, не ожидал. На кулак ты горазд, на себе знаю, но чтобы вот так?!

Когда они подъезжали к избушке, Данила тщательно прицелился, нажал спусковой крючок. Оглушительно грянул выстрел. Не дожидаясь, Данила выстрелил еще трижды. Как и ожидал, всадники мигом поскакивали с лошадей, бросились врассыпную к избушке. Один полз, цепляясь за траву. Дверь захлопнули перед его носом. Он кричал, стучал кулаками — двери приоткрылись. Две руки втащили его быстро, и дверь опять захлопнулась.

Данила выждал, затем выстрелами разбил окно. Там промелькнула фигура с ружьем, Данила выстрелил, ружье исчезло. Перезарядив, Данила тщательно прицелился, всадил две пули в то место, где должна быть дверная петля. Еще две пули врубил в нижнюю петлю. Дверь держалась, но Данилу переполняла свирепая радость, он был уверен в себе, и в самом деле, после еще одного выстрела дверь сползла в сторону и грохнулась вниз, открыв темный проем.

Перезарядив, Данила вдребезги разнес второе, последнее окно. Из-за угла склада высунулся ствол ружья, Данила дважды быстро выстрелил. Ствол исчез. В избе было тихо.

Прошел час. За это время на выстрелы Данилы ответили только трижды. Он начал беспокоиться. Наконец из трубы избушки показался робкий синеватый дымок. Данила замер, потому что скоро должно темнеть, а когда они выползут беспрепятственно, начнется охота на него, и вряд ли они, обозленные и униженные, выпустят его живым.

Дымок стал гуще. Данила приготовил винтовку, положил палец на курок. Внезапно в избушке грохнуло, в пустые окна и дверной проем вылетели клубы

дыма. Послышались частые хлопки: рвались патроны, спрятанные под пеплом. Из двери выскочил человек, Данила плавно нажал спуск. Человек упал, пополз на руках, снова упал и больше не шевелился.

Из избушки слышались крики, проклятия. Вдруг Данила увидел, как избушка приподнялась, грохнул страшный взрыв, из окон и дверей вырвалось яркое пламя. Данила попятился, отбежал, пригнувшись, к Буяну. Конь невозмутимо щипал траву, но второй конь нервно прижимал уши, глаза были перепуганные.

— Так и надо, — сказал Данила коню, стараясь оправдаться. — Кто ходит по шерсть — возвращается стриженным.

Когда он садился в седло, докатился еще один взрыв, более мощный. Данила услышал треск, хлопки. Горел огромный склад Ворошило. Он пустил коня рысью. На миг открылся между деревьями вид на речку, и Данила непроизвольно стиснул в кулаке поводья. Избушку разметало. На том месте чернела яма, шел дым и страшно попыхал склад, заднюю часть его разнесло в щепки. Вокруг лежали горящие бревна, вверх рвался густой красный дым.

Буян перешел в галоп, заведя впереди ровную песчаную дорогу вдоль реки. Данила мысленно проверил расположение склада, избушки. Нет, до леса далеко, а земля мокрая от недавних дождей, трава сочная. Чтобы ее поджечь, надо вылить десятки бочек керосина. Пожара не будет, пусть гильяки не волнуются. Зверье не уйдет, а люди — таких не жалко.

Ворошило поймет, что это не драчка, где он бьет и куражится как хочет, а противник роняет кровавые слюни. С каждым надо говорить на его языке, доступном для понимания и восприятия!

Желтый дьявол

Илья встретил его на пороге амбара. Он ухмылялся во весь рот, в руках держал свое чудовищное ружье. Данила окинул взглядом амбар. На двери из свежеструганных досок особенно четко заметны следы от пуль. Стекло в окне разбито.

— Сам ты цел? — спросил Данила.

— Не бойсь, — заверил Илья. — Рябко заметил, учуял их издали. Я подпустил поближе, потом шарахнул. Первым выстрелом свалил двоих. Я картечью зарядил для верности.

— Они могли взять тебя с разных сторон.

— Могли, — согласился Илья, — но это потом. Сперва думали схватить тепленького в постели. А пришлось самим отползать, забрав раненых, посоветались и додумались зайти с двух сторон.

Данила внимательно слушал и смотрел на брата:

— Ну и?..

— Что ну? Аким и Ефим подоспели. Отец послал, когда услышал выстрелы. Нам многое не нравится в тебе, но убивать не дадим.

Данила обнял старшего брата. Он почувствовал себя маленьким, которого опекал Илья в детстве. Это потом он начал, как молодой петушок, задирать Илью, а в детстве цеплялся за старшего брата, подражал ему.

— Все хорошо. — Илья похлопал младшего по спине, — больше не сунутся.

Товар, присланный Васильевым, был аккуратно разложен кучками по амбару.

Настолько аккуратно, что, наверное, не обошлось без помощи других братьев. Черти, не хотят признаваться. Будто он урод какой, стыдятся его. В амбаре уже бродили три гиляка, копались в узлах, заглядывали в ящики. Илья сказал виновато:

— Я запустил их, пока тебя не было. Народец вроде бы честный.

— Не сопрут, — успокоил его Данила. — Они еще слова такого не знают!

— Скоро узнают, — протянул Илья мрачно, — многое узнают.

Нагрузившись, довольные гиляки уехали. На следующее утро будто по их сигналу к амбару с двух сторон — по Иману и Татибе — спустились целые флотилии. Илья присмотрелся, покрутил головой:

— Пустые едут, налегке.

— Еще бы! Это я должник, все разгребут.

Но разгребли меньше половины.

Данила внес несколько прямых ивовых прутьев. Глаза гиляков молча остановились на нем. Данила усмехнулся:

— Вы знаете, я торгую честно. И я вижу: вы торгуете честно. Даже самый честный человек может что-то забыть.

Он взял прутик, другой рукой вытащил из кармана нож. Гиляки вытянули головы, зашептались. Русское шаманство?

— Долг каждого будем вырезать ножом на прутике. Колечками! Соболи — прямо, вот таким значком, чернобурки — волнистой линией, шкура барса — линия с зазубринками, зубчиками. Ясно? Теперь делаем вот так.

Он ловко распорол прут вдоль на две половины. Гиляки зашептались, кто-то догадался, другие переспрашивали друг друга.

— Половину этой долговой палки беру я, другую половинку, например, Хотоба. Теперь ни я не забуду свой долг, ни он. У него ведь на палке те же зарубки, что и у меня.

Гиляки кивали. Глаза, прикрытые желтыми веками, раскрылись шире, заблестели. Есть торговцы нечестные, есть хитрые, есть злые. Недавно появился еще и добрый — этот большой и сильный, который побил и прогнал жестокого нойона, отнял у Ген Дашена маленькую Хенгу.

Когда гиляки уехали, на прежнем месте остался Хотоба. Он с тем же невозмутимым видом попивал чай, курил. Его морщинистое лицо напоминало печеное яблоко. Он горбился еще больше, покашливал. Данила ерзал на месте от нетерпения.

Вежливость вежливостью, но пора и честь знать. Хорошо сидеть у огня зимой, когда за окном выюга, а на теплой печи чайник свистит, но сейчас разгар лета, надо спешить, работы неупрото.

— Что будешь делать дальше? — спросил Хотого в который раз.

— Жить, — ответил Данила. — Бог не выдаст, свинья не съест.

Гиляк отложил трубку. Глаза его были погасшие.

— Плохо сплю. Скоро уйду в небесную тайгу, там много-много зверей, а в реке всегда рыба. Жалею, что мало пожил, когда пришли русские. Я еще Невельского видел! С ним хорошо. Вы не уходите, как ушли в прошлый раз.

В лице гиляка проступило сомнение. Он тяжело вздохнул, сказал, будто решившись на что-то важное:

— Когда уйду в край Большой охоты, ты мало-мало помогай Хенге?

— Не тревожься, — заверил Данила. — Если я вырвал ее из рук чужака, то теперь, как бы крестный. Обязан помогать! Она мне родственница, понял? — Он почти кричал на ухо старику. Лицо Хотого было непроницаемо, и Даниле казалось, что гиляк от старости туг на ухо.

— Родственница, — повторил Хотого, — родственница — хорошо. У меня ни сына, ни дочери. Все вымерли. Только Хенга, внучка брата.

Хотого вытащил из сумки маленький узелок. Пока развязывал, Данила понял, возразил решительно:

— Золотишко? Не надо. Я ей и так помогу. Раз крестница, то какие деньги? Русский Бог запрещает брать деньги за помощь.

Гиляк покивал, с трудом распутал узел. В тряпице было не золото, а сморщенный клочок бересты. Она сухо потрескивала под дряхлыми пальцами, а линии, вырезанные ножом, почти сливались с трещинами.

— Там золото, — проговорил гиляк потухающим голосом. — Много. Я давно нашел, но боялся. Ты сильный, у тебя не отнимут. Бери, только мало-мало помогай Хенге, хорошо?..

На другой день Данила выехал рано утром, сказав Илье, что хочет побывать в городе. Илья промолчал, только покосился на седельную суму. Оттуда торчали ручка лопаты, проступали очертания тяжелого молотка, ведра.

Гиляк с ним не поехал, был стар, но Данила отыскал место без особого тру-

да. Разгреб гниющие прутья, убрал выворотень, снял верхний слой дерна и понял, почему раньше никто не наткнулся на золотую жилу. Жила была богатейшая. Самородное золото шло полосой в сажень, на глубину тоже уходило в сажень, но через три шага жилу накрывала каменная осыпь. То ли горный обвал накрыл, то ли Хотого постарался, чтобы укрыть находку, но теперь жила была надежно засыпана. Понадобится дней пять, чтоб убрать камни, расчистить место.

Еще через дюжину шагов, как проследил взглядом Данила направление жилы, она уходила прямо в сопку. Кто пожелает следовать за нею дальше, должен вгрызаться в землю, рыть норы, долбить шахты.

До вечера он в поте лица копал землю, выбирал самородки. Крупные отбирал сразу, а помельче, с пшеничное зерно, пришлось промывать. Он устал, бегом таская ведра с породой к реке. Лотка не было, пришлось промывать прямо в ручье, сбегавшем к реке, приспособив для этого рубаху. Песчаное золото потерял бы так наполовину, если не больше, но тут были зерна, самые мелкие — с пшеничные, иные — с лесной орех.

Ночевал у ямы, просыпаясь при каждом шорохе. Рука его лежала на винчестере. Утром, едва в лесу забрезжило, продолжил истощенную работу, пока не дорылся до каменной насыпи. Еще хватило сил отгрести первые валуны, но дальше они лежали в два, три, несколько слоев. Данила махнул рукой. Пока и этого золота, что навывбирал и намыл, хватит надолго. А для того, что под осыпью и в сопке, время придет!

На третий день он выехал обратно. Второй конь тяжело тащился под грузом золота, хотя с виду обе сумки были не очень раздуты.

Подъезжая к своему амбару, мучительно раздумывал, как поймать на крючок отца и братьев. Илья уже помогает, хотя и говорил вначале, что пришел на пару дней, но остальные сторонятся. Даже во время нападения Аким и Ефим прибежали на полчаса, отогнали беглых и тут же ушли, даже не заходя в амбар.

Главное — склонить отца. Как староввер, ей-Богу! Все зло от богатства. Золото придумано врагом рода человеческого. Дело не в золоте, батя, а в чьи руки попадет. Наложит лапу Дьяков, тог-

да все заплещут под его дудку. Ага, надо на это нажать. Если не они, Ковалевы, застолбят за собой это место, то налетит всякая нечисть, ворье, каторжники беглые, варнаки. Со всей тайги сюда стянется грязь, сползется зверье, падкое на золото, готовое на все.

Видишь, батя, надо братья самим. Быстренько убрать каменную осыпь, выбрать золотишко, а потом так же без огласки начать выбирать жилу из сопки. К тому времени станет известно в селе. Шила в мешке не утаишь, но не станем скопидомничать, допустим к старательскому делу и соседей или организуем артель.

Сердце его билось сильно и часто. Он должен стать богатым! Настолько богатым, чтобы этому спесивому князю понадобилась самая высокая лестница в мире, только бы лизнуть ему подошвы.

10 глава

Наговор

Дьяков шел по улице, его шляпа была накинута на лоб. Редкие встречные почтительно здоровались, дворник отступил на проезжую часть, низко поклонился. Дьяков чувствовал на спине их любопытные взгляды, кипел от бешенства.

Возле дома князя стояла кучка людей. Дьяков сделал движение, будто хотел обойти, но его заметили, замахали руками. Некоторые глядели на раскрытые окна второго этажа. Оттуда доносились громкие голоса, завывающий плач Варвары, кухарки.

— Что произошло? — потребовал Дьяков, подойдя ближе. — Это дом князя Волконского, а не бродячий цирк!

Перед ним расступились, тут же охватили кольцом. Перед Дьяковым оказался Соловьяшкин, чиновник по мелким поручениям Волконского. Соловьяшкин был подавлен, с всклокоченными волосами, потный, несмотря на холодный ветреный день.

— Вы не знаете? — ахнул он. — Князь убит!

Дьяков обвел взглядом взволнованные лица. На него смотрели с ожиданием, надеждой. Он был адвокат, знал законы.

— Что за чушь, — пробормотал Дьяков. — Князь был человеком, который мухи не обидит. Горяч, вспыльчив, но отходчив. У него не было врагов.

— Пристав полагает, что беглые каторжники, — вставил кто-то из собравшихся.

— Каторжники? — удивился Дьяков. — Им проще пристукнуть золотоношу, чем лезть в княжеский дом! Тут место людное, рядом пристав живет, участок напротив.

— Не в доме, — пояснил Соловьяшкин. — В том-то и дело! Князя нашли за городом, на берегу реки.

— Зачем его туда занесло? — удивился Дьяков.

Ему не ответили, и он заспешил в дом. Внизу, в зале сутились оба квартальных. Пристав спрашивал зареванную кухарку и мрачного кучера. По лестнице спустился доктор, сказал невесело:

— Я оставил молодому князю нюхательную соль. Если понадобится, даст сестре.

— Что-нибудь выяснилось? — спросил Соловьяшкин с надеждой.

— Выясняют! — ответил Дьяков саркастически, — а время уходит. Убийца может ускакать за награбленным далеко.

— Полагаете, ограбление?

— Что еще? У князя не было врагов. Только ограбление. Потому что даже не подумаю подозревать этого, ну купца Ковалева, который так быстро покинул город.

Соловьяшкин некоторое время глядел на Дьякова непонимающими глазами. Лицо адвоката было непроницаемо. Вдруг Соловьяшкин хлопнул себя ладонью по лбу:

— Господи, как же я забыл? Они ж три дня тому поссорились! Князь еще велел ему явиться, а этот дерзкий ему такое ответил, такое!..

Средняя дверь отворилась. Пристав вместе с Всеволодом вели под руки рыдающую Наталью. Она прижимала заплаканный платочек к глазам, ноги подкашивались.

Пристава, оставив Наталью на попечение брата и доктора, быстро подошел к Дьякову. Лицо пристава было несчастным.

— Странный случай, — сообщил он хмуро. — Его нашли с вывернутыми карманами. Ограбление? Но золотые часы не тронули.

— Не знали где искать, — предположил Дьяков. — Простой народ часов не носит.

Наталью усадили поблизости в кресло. Пристав и Дьяков подошли к Наталье. Пристав деликатно кашлянул, спросил:

— Наталья Андреевна, осмелюсь беспокоить. Понимаю, невежливо, но время... Надо схватить убийцу, пока далеко не ушел. У вас есть подозрения?

По лестнице сбежал Соловьяшкин, подошел к ним:

— Она вам рассказывала про этого отпетого таежника Ковалева?

Наталья вздрогнула, подняла голову. Дьяков сказал громко:

— Вы бы не вмешивались. Господин пристава разберется сам.

Соловьяшкин вспылil. Его руки затряслись, голос стал визгливым:

— Почему вы стараетесь защитить этого разбойника? Я поговорил с привратником, кухаркой. Все указывают на него!

Дьяков повысил голос:

— Данила Ковалев не мог убить. У него не было дел с князем.

Пристава поднял руки, утихомиривая, повернулся к Наталье. Она всхлипывала, но в глазах появилось удивление, когда она смотрела на Дьякова.

— Наталья Андреевна, голубушка, — начал пристава дрожащим голосом, — припомните, Христа ради, не было ли у вашего любезного батюшки ссоры с этим Ковалевым?

Она безмолвно глядела на них, потом из ее глаз покатились крупные слезы. Она прижала ладони к лицу, плечи затряслись от рыданий. Пристав беспомощно развел руками, оглянулся по сторонам:

— Наталья Андреевна! Чем раньше узнаем правду, тем скорее схватим негодяя. Поднять руку на такого человека — это преступление из всех преступлений. Поверьте, мы отыщем убийцу. Только подмогните малость. Были у вашего батюшки споры, неприятности?

Она затрясла головой, не отрывая рук от лица:

— Это не мог быть Ковалев! Он не мог поступить так ужасно, так подло. Он такой благородный...

Она замолчала. Руки бессильно упали, глаза смотрели на них с недоумением и страхом.

— Кто-то смог, — сказал пристава настойчиво. — Хотел ограбить или кому-то он сильно мешал.

Дьяков кашлянул, прервал негромко, но настойчиво:

— Мне неприятно это говорить, но я вынужден. Преступник должен быть найден. На днях князь вышвырнул Ковалева из своего дома. Он был в ярости, грозился князя застрелить. Я не думаю, что виноват в убийстве Ковалев, могло быть совпадение.

— Что ж вы, любезный, не сказали сразу? Мне начинает казаться, что вы из каких-то соображений покрываете этого злодея!

Он повернулся к полицейскому, который терпеливо опрашивал кухарку:

— Степан, бегом в участок. Возьми людей, дуй в Новостроевку! Заарестуешь Данилу Ковалева, торговца. Будь осторожен. Ковалев — крутой мужик.

Полицейский вытянулся, руку под козырек:

— Слушаюсь! Если окажет сопротивление?

Пристава метнул глазами молнию, голос стал тяжелым:

— По обстоятельствам. Сдастся — приведешь в оковах, будет драться — шахранешь прикладом по башке, потом в оковы. Если начнет стрелять — это убийца, ясно? На месте!

Полицейский опрометью кинулся к выходу. Пристав коротко поклонился Наталье, вздохнул, развел руками. Дверь за ним захлопнулась. Дьяков приблизился к Наталье, проговорил дрожащим голосом:

— Наталья Андреевна, у меня болит сердце, слов нет. Позвольте, отведу вас? Покойного сейчас видеть не надобно. Позвольте, провожу вас?

— Благодарю вас, Арнольд Борисович, — ответила она тихим прерывающимся голосом. — Благодарю!

Он помог ей встать и, придерживая за локти, повел к лестнице...

Данила спустился в распадок. Открылся вид на долину, где на слиянии рек блесла крыша его амбара. Из пристройки вился дымок. Хозяйничает Илья.

Данила подъехал к амбару, дверь пристройки распахнулась. На порог выскочил Илья, замахаив руками. Данила натянул поводья, придержал коней. Илья пересек открытое пространство, лицо было красное, он тяжело дышал:

— Где был? — потребовал он.

— Что там, брат? — Данила смотрел с удивлением.

— Где был, спрашиваю? — жестче потребовал Илья. Его лицо стало мрачным, глаза глядели недобро.

— У меня были дела, — ответил Данила. — Хорошие дела, о которых пока говорить не хочу. Обещают хорошую выгоду.

Илья сурово смотрел, лицо его было будто высеченное из камня. От могучей фигуры веяло угрозой.

— Бог тебе судья, Данила, — сказал он. — Отныне я тебе не брат. Ноги твои чтоб не было на моем пороге! Отец тебя проклял, братья отвернулись. Я уговаривал, чтоб выслушали тебя. Что ж, я выслушал.

Он повернулся, пошел обратно широкой размашистой походкой.

— Да выслушай же! — взмолился Данила. — Ты еще не выслушал. Я не знаю, что случилось ужасного, а я три дня был во-он за той сопкой. Там богатая жила золота. Я набрал полные седельные мешки! Вернись, погляди. Я никуда не отлучался оттуда. Если не веришь, это легко узнать по следам.

Илья шагнул крупно. Брови грозно сдвинуты. Казалось, он не слушал лепет младшего брата. Данила снова ухватил Илью за рукав, на этот раз тот не стал освобождаться, только переспросил:

— Следы, говоришь? Я не следопыт: меня обмануть легко. Мы все, Ковалевы, в следах не разбираемся.

— Тогда вернись, погляди на золото! Посмотри на ямы, которые я нарыл. Другому столько и за месяц не выкопать!

Илья остановился, посмотрел в глаза. Данила стойко выдержал суровый испытующий взгляд. Илья сказал, не глядя на тюки с самородным золотом:

— Вчера приезжала полиция. Ночевали, тебя поджидали. Час назад уехали. Решили, что ты утек, не вернешься больше.

— Почему полиция? — спросил Данила похолодевшими губами.

Илья, внимательно наблюдая за его лицом, не спеша проговорил:

— Старый князь Волконский убит. Кистенем по затылку. Его нашли по ту сторону реки. Недалеко отсюда, только перейти вброд, сразу наткнешься.

Данила молчал, сразу онемев и похолодев, будто замороженный в глыбу льда. Старый князь убит, Наталья осталась одна, без защиты. Всеволод — хороший парень, но не жилец в таком городе, у него нет когтей.

— Ты хоть понимаешь? — донесся как сквозь вату настойчивый голос брата. — Если возле брода, то шел к тебе. Кумекаешь? Выходит, убил ты. Больше некому.

— Дурость, — прошептал Данила.

— Не дурость. Это я верю, хоть малость и сумлеваюсь, а другие кричат: убийца ты. Все знают, вы с князем поцупались. Лучше бы полицейские дождались тебя! Попадешься народу, забудут колымаги. Или дотащат до ближайшего дуба с крепкими ветвями.

— Что думает Наталья?

— Да какая разница, — отмахнулся Илья досадливо. — Она просто молодая девка. Власть была у князя, а теперь, сказывают, перешла к этому, адвокату. Не по закону, а по влиянию. У него не только кулаки на месте, но и мозги! В городе нет адвоката, который бы мог с ним тягаться. Во всем Приморье нет. Говорят, его видели с бродягами, беглыми каторжниками, но улик нет. Скользкий, не ухватишь. Половина города на него работает, а другая половина — боится.

Данила опустился на порог, повесил голову. Илья расседлал коней, отвел их под навес. Когда Данила поднял голову, в его глазах горела отчаянная решимость:

— Илья, пан или пропал — поеду в город. К тебе просьба: найди гиляков, которые нашли убитого князя! Хорошо? Приведи их завтра в дом к Васильеву. Не найдешь этих гиляков, приведи двух-трех других. Сделаешь?

Илья посматривал на младшего брата:

— Если хочешь сунуть голову в петлю, то незачем ехать так далеко. Вон дуб с крепкими ветвями. Можешь и на поперечной балке в амбаре. Если хощь, я поеду с тобой. Аким и Ефим собирались съездить, им что-то купить надо.

— Ничего им не надо. Спасибо, брат. Сам в это влез, сам и выплыву, если удастся.

Преодолевая усталость, он взял седло, пошел под навес. Буян, завидев его с седлом, заржал жалобно, пытался отступить, но узда не пустила.

— Прости, — сказал Данила. — Либо грудь в крестах, либо голова в кустах. Возможно, завтра у тебя будет другой хозяин...

Все хорошо, что хорошо кончается

Поздно ночью Васильев услышал осторожный стук в окно. Кивнув сыновьям, чтоб не дремали, на цыпочках прокрался к окну, спросил негромко:

— Кого носит в такую пору?

После паузы, вызванной топотом конских копыт на улице, тихий голос ответил:

— Это я, Данила Ковалев. Мне нужно поговорить с тобой.

Васильев отворил окно, Данила ввалился в комнату. В полутьме услышали его шепот:

— Света пока не зажигайте. Коня я оставил за сараями, пусть кто-нибудь спрячет.

Васильев покосился на сыновей, один тут же выскользнул за дверь. Второй подбросил дров в жарко полыхающую печь, но Данила видел, что парень не спускает с него глаз, и в руках у него постоянно то тяжелая кочерга, то огромный нож, которым он тешет лучину.

— Я знаю, что обо мне думают, — проговорил Данила быстро, — но я не убивал князя. Утром я отдамся в руки пристава, но хочу, чтоб меня сперва выслушали, не повязали, не дав рта раскрыть.

— Чайку попьешь? — спросил Васильев.

— И поел бы малость, — признался Данила. — Качает от усталости. Но сперва просьба! Ты мог бы завтра собрать у себя Ворошило, Ген Дашена и Дьякова? Еще обязательно пристава и отца Павла. Скажи, что я предлагаю всем закончить эту торговую войну. Если не получится, бросаю торговлю.

Васильев покачал головой:

— Опоздал, брат. Завтра ты расстанешься не только с торговлей. Пригласить я, конечно, могу. И повод серьезный. Вчера городские торговцы избрали меня главой местного купечества! Созову народ на пьянку. Ворошило явится точно, но Ген Дашен не придет.

— Скажи, я зову. Поговорим, потом отдамся в руки пристава. Пусть только выслушают.

Васильев посматривал с сомнением, но в лице проступило уважение. Прав ли, не прав этот таежный купец, но партнер он стойкий, надежный. Даже сейчас, прижатый к стене, как медведь рогатинами, отбиваясь от остервенелой своры собак, отваги не теряет!

— Придет и Ген, — сказал Васильев. — Не часто такой цирк увидишь! Все придут, обещаю. К обеду вряд ли поспеют, но к ужину будут.

Утром Васильев сообщил, что труднее всего было упредить дело с приставом. Тот рвался арестовать сразу, пришлось дать честное слово, что Данила Ковалев и так под арестом у сыновей Васильева, но передадут его властям только вечером. Дескать, Ковалев хочет чистосердечно признаться перед всем миром, а потом примет любую долю.

Гости начали прибывать с полудня. Первыми приехали Илья с тремя гиляками. Васильев отдал их на попечение жены, отправив на заднюю половину.

В двух больших комнатах накрыли столы. Из трактира принесли столько, что Данила даже не подозревал о таком разнообразии, видя всегда только гречневую кашу с мясом. На огромном блюде лежал кабан, начиненный орехами, вокруг на тарелках — тетерки, рябчики, большие блюда с красной рыбой, горы сдобных пирогов и всякая мелочь в глубоких тарелках, вроде отжатого в сливках мяса, оленьих языков, разваренных губ сохатых.

Прибыл отец Павел, грузный священник, какие только в этом краю были: огромный, с огненными глазами, разбойного вида, знающий, как Евангелие толковать и как лес расчищать под пашню, умеющий ездить на собаках, посещающий дальние приходы. Следом явился Ген Да-

шен, и отец Павел сразу взял нехристя в оборот, доказывая преимущества православия. Ген Дашен вежливо улыбался, кивал.

Потом под окнами застучали копыта, будто прибыла целая армия, и вскоре в комнату вошел Ворошило. За ним держались три сына, все такие же крепкие, приземистые. Ворошило выглядел раздраженным, осунувшимся. Глаза ввалились, сверкали из-под мохнатых бровей как горячие угли.

Ген Дашен поднял брови, быстро подошел к окну, что-то крикнул. В залу тотчас вошли три китайца. Они поклонились присутствующим, встали под стеной, стараясь никому не мешать. Ворошило нахмурился еще больше, но смолчал. Отец Павел радушно усадил его рядом, под образами, сам поднялся, в несколько быстрых шагов пересек залу.

Данила едва успел отскочить от щелочки. Отец Павел закрыл за собой дверь, спросил, как можно больше приглушая громовой голос:

— Сын мой, у тебя есть в чем признаться?

— Грешен, отец, — сказал Данила, тоже принижая голос, — но не в том, в чем меня обвиняют. Но Бог правду видит. И надеюсь, хоть и долго терпит, но когда-то врежет с правой!

— Не суди Божьи дела, — строго остановил его отец Павел. — Неисповедимы его пути. О себе думай, о своей грешной душе!

— Батюшка!

— Моя духовная дочь всю ночь проплакала, горюя не только об отце, но и о тебе, негодник!

— Батюшка!

— Перед Богом все едины, но сомневаюсь, что твоя заскорузлая в грехах душа стоила бы хоть ее мизинца. Готовься!

Он ушел, а Данила снова прильнул к замочной скважине. Мысли путались, горячо перескакивали одна на другую. Ему, как никогда, надо зажать себя в кулак, успокоиться. Он идет по лезвию ножа!

За окнами раздался легкий стук копыт, от которого у Данилы екнуло сердце. Васильев торопливо выбежал навстречу. Через несколько минут в зал вошла Наталья. Данила сжал кулаки, видя ее страдающее лицо, погасшие глаза. Она была в трауре. Слева шел Дьяков, поддерживая Наталью под руку. За ними вошел пристав, сразу метнув шарящий взгляд по сторонам, на мгновение задержал на двери, за которой прятался Данила. Тот невольно отшатнулся.

Замыкал шествие Васильев. Он с почтением усадил дорогих гостей под образами, вежливо попросив Ген Дашена подвинуться, пока тот не оказался на краю лавки.

Выждав, когда все расселись, Данила поднялся с четверенек. Сердце колотилось, как у пойманного зайца. Он коротко выдохнул, резко толкнул дверь. Все повернули головы, он физически ощутил десетки пронизывающих взглядов.

Пристав оглянулся на дверь, там стоял огромный полицейский, загораживая выход, потом на окно. По взгляду пристава Данила понял, что второй полицейский стережет окно с улицы.

Он шагнул на середину комнаты, сказал бесстрастно:

— Я просил хозяина пригласить всех, чтобы решить сразу три вопроса. Первый — чествование нового главы купечества — будет в конце. Начнем со второго. Предлагаю положить конец торговой войне.

Скамейка затрещала под грузным Ворошилой, он развернулся к приставу:

— Семен Тимофеевич, слышали? Он признает, что вел против меня войну?

Пристав смолчал. До вечера оставалось недолго, а Данила сказал резко:

— Ты знаешь, о чем я говорю. Если хочешь неприятностей другим, будь к ним готов и сам. Я говорю не ясно?

Ворошило скрестил с ним взгляд. Он понимал, понимал и то, что другие понимают тоже. Все знали, что от его складов на Имане остались головешки. Несчастный случай, неосторожное обращение с огнем, пьяные возле пороха. Но винить некого, ведь беглые каторжники подожгли, сами сгорели.

Покосившись на Васильева, за которым стояли дюжие сыновья, на Гена с китайцами, пристав, отца Павла, Ворошило нигде не встретил дружественного лица.

— Мне не ясно, — отрезал Ворошило.

— Поясняю. Васильев избран главой местного купечества. Пристав — городской власть. Отец Павел — власть Бога. Если ты сейчас не поклянешься, что прекращаешь всякую войну против Ген Дашена, меня и кого бы то ни было, то эти трое найдут на тебя узду. Мы все поклянемся. Нарушителю не отпустят товар в городе, не пустят в трактир, не дадут комнату на постоялом дворе. Полиция, зная, кто за мир, а кто за свару, найдет, как обломать рога нарушителю.

Ворошило ломал взглядом Данилу, но тот стоял прямо. Думал, одним ударом сметет переселенца, пока тот не окреп,

но оказался крепкий орешек! Один из торговщиков уцелел, заброшенный взрывом в овражек. Клялся всеми святыми, что стреляли из одного ружья! У этого Ковалева, леший его задержи, четверо братьев. Любого увидишь в потемках, заикой станешь. Война получается затяжная, успеха не видать в конце.

— Ладно, — сказал он неохотно, — пока мы обессиливаем друг друга, третий...

Ген Дашен поднялся, сказал с достоинством:

— Я всегда хотел, чтобы в тайге было тихо.

Ворошило отмахнулся с досадой:

— Не об тебе речь. Пока перья пускаем друг другу, в город прибыли какие-то франты, баржу товару привезли. Чтоб их не пустить, я согласен на мировую. Мы свои все-таки. С китаезой сколько друг другу перья выдергиваем, а ты... Ладно, после хорошей драки песни лучше поются.

Отец Павел поднялся во весь рост громадный, бухнул на стол толстую Библию в латунной обложке. Он сиял так, что глаз не было видно:

— Чада мои! Вы взяли в свидетели главу купечества и пристава, теперь возьмите и Бога. И помните, что если из рук первых еще как-то можно выкрутиться, то у Господа руки длинные, везде достанут!

Данила перехватил взгляд Дьякова. Адвокат еще не проронил ни слова, но лицо было напряженное. Он знал больше других, шел на шаг впереди, а сейчас едва ли не впервые такого преимущества не имел.

Данила повернулся к Дьякову, ощущая, что нельзя упускать момент:

— Теперь решим последний вопрос.

Дьяков злобно посмотрел на Данилу. Губы адвоката слились в одну линию. Он держался спокойно, смотрел прямо, это приводило Данилу в отчаяние. Прямых улик нет, напугать такого нечего и думать, а что еще?

— Ну, — проронил Дьяков после паузы.

— Князя Волконского убили вы.

Дьяков вздрогнул. Данила услышал за спиной женский вздох, но не отрывал глаз от адвоката. Тот сжал челюсти, не проронил ни слова. Глаза смотрели на Данилу, не мигая.

— Вы убили его, чтобы убрать человека, который не отдавал дочь за вас, неприятного ей. Во-вторых, вы бросили подозрение на меня. Меня важно убрать потому, что я внезапно занялся торговлей, смешал ваши карты.

— Торговлей? Мои карты?

Данила заметил, что на него смотрят с недоверием. Он сказал убеждающе:

— Вы планировали подмять Ворошило или уже подмяли. Он спешит разбогатеть, на этот крючок легко поймать нестойкого человека. Дьяков что-то подсказал, где-то помог, и вскоре Ворошило не мог обойтись без него. Он не понимал, что руководит его делом фактически Дьяков.

— Чушь! — прервал Ворошило грубо. — Я дал ему самую малую долю. Чтоб интерес чуял.

Он осекся. Отец Павел укоризненно покачал головой, а Данила продолжал:

— За князем ушел бы и Ворошило. Вся компания в руках Дьякова.

— Чушь! — крикнул снова Ворошило. — У меня три сына и дочка! Они мои наследники!

— Что было наследовать? Насколько за это время выросла крохотная доля Дьякова? Кстати, я слышал разговор двух беглых, которых Дьяков нанял убить и Ворошило и Ген Дашена. Думаю, их отыскать все-таки можно.

В глазах Ворошило появилось отстраненное выражение, отчуждение, губы беззвучно зашевелились. Сыновья прдвинулись ближе, зашептали в оба уха.

Дьяков заговорил, держа плечи прямо и глядя перед собой. Голос его был ровный и размеренный:

— Все ложь. Я глубоко уважал князя. Он ко мне относился хорошо. У меня не было причин убивать. Где улики?

— Я не знаю, зачем князь поехал ко мне, — ответил Данила. — Возможно, что-то хотел выяснить. Дьяков решил воспрепятствовать. Он прокрался за ним, ударил по голове. Убедившись, что князь мертв, вывернул карманы, якобы убили ради грабежа, но в спешке не снял золотые часы. Это было у реки. Земля там рыхлая и влажная. Пока не было дождя, следы в полной сохранности...

Он чувствовал взгляд Натальи, но не поворачивался. Ворошило чуть наклонил голову, два сына поднялись с лавки. Один пошел к двери и остановился возле квартильного, другой зашел со спины к Дьякову. Два китайца переглянулись с Ген Дашеном, бесшумно поднялись, глядя неотрывно на Дьякова. Никто не заметил их перемещения, кроме самого Дьякова и Данилы. Дьяков бросил быстрый взгляд справа налево, его огромные кулаки сжались так, что костяшки суставов побелели. Дышал тяжело, крылья короткого расплуснутого носа раздувались.

— Ложь, — повторил он глухо. — Где улики?

Взгляды скрестились на Даниле. Пристав недовольно сопел, через открытое окно было слышно, как полицейский что-то объяснял прохожим.

Неожиданно вперед шагнул шрамолицый китаец:

— Уважаемый, вы можете сказать что-то в свою защиту?

Дьяков посмотрел на китайца, как на пустое место, бросил высокомерно:

— В этом нет необходимости. У нас есть закон, чего нет в твоей паршивой стране! У нас есть суд.

Данила бросил умоляющий взгляд на пристава. Тот кряхтел, поглядывал на Дьякова, Васильева, глядел в потолок. Улик нет, было написано на его лице. Если хочешь перебросить свою вину на другого, надо придумать что-то понадежнее. И дурак открестится от такого обвинения, а Дьяков не дурак. Любому докажет, что черное — это белое, а белое — черное. Никакой суд его вину не признает и Данилу Ковалева в два счета отправит на виселицу.

Шрамолицый китаец повернулся в дальний угол, где сидели тесной кучкой, как испуганные мыши, три гиляка. Он поманил пальцем, гиляки подхватились, часто кланяясь. Вперед шагнул самый старый, еще раз униженно поклонился.

— Гиляки, обратился к ним китаец, — такие же обыватели Российской империи, как и остальные присутствующие тут. Их свидетельство имеет такую же цену.

Дьяков замер. На лбу начали собираться крупные бусины пота. В комнате стояла мертвая тишина. Шрамолицый оглянулся на Ген Дашена, тот наклонил голову. Шрамолицый кивнул сыну Ворошило, который стоял на дверях:

— Приведи запасную лошадь. Мы поедем туда, где был убит князь.

Парень оглянулся на отца, тот нетерпеливо кивнул, и он исчез за дверью. Никого не удивило, что китаец распоряжается людьми своего врага, а тот не спорит.

Данила украдкой перевел дыхание. Если бы потащили Дьякова в суд, тот бы с блеском защитился, вышел бы победителем, а он, Данила, остался бы ожидать виселицы. Не надо быть особо изощренным адвокатом, чтобы в суде доказать виновность Ковалева и непричастность Дьякова.

Но Ген Дашен живет на Дальнем Востоке давно. Даже Ворошило, не такой уж старожил, все понял. Для городского суда улик нет, там чернильные души, там

все по бумагам, а выигрывает тот, у кого лучше подвешен язык, но тут все понятнее и проще. Илья привел гиляков, которые нашли убитого князя. Для них читать следы проще, чем гимназисту букварь.

Понял это и Дьяков, судя по выражению его лица. Он хотел вскочить, но на плечи нажали с двух сторон: шрамолицый и осанистый.

— У нас цивилизованная страна! — сказал Дьяков гневно. — Почему тут распрягаются китайцы? И как можно верить гилякам, этим инородцам? Если у вас есть обвинения, подавайте на меня в суд!

Он был бледным как мел, крупные капли пота катились по лицу. Пристав вздохнул, с сожалением покосился на раскрытые двери в соседнюю залу, где стоял роскошно накрытый стол, и произнес:

— Мы трое — свидетели, что Ворошило, Ген Дашен и Ковалев поклялись жить в мире и согласии, как подобает жителям Российской империи и добрым христианам. Кто нарушит, того найдет кара Божья, о земной позабочусь я.

Отец Павел тяжело поднялся, объявил:

— Должен вас покинуть, чада мои. На дальнем руднике кого-то покалечили.

Он размашисто зашагал к двери. Пристав вскочил, бодро засеменил за ним:

— Отец Павел, если покалечили, то это моя епархия! Вы уж, того, не суйтесь. Я ж не лезу насчет душ.

Дьяков вскочил. Его лицо теперь было желтым, как у мертвеца. Глаза бегали по сторонам, руки тряслись.

— Подождите! — закричал он. Голос сорвался на визг. — Семен Тимофеевич! Пристав, почему вы уходите?

Пристав занес уже ногу за порог, неторопливо повернулся:

— У меня дела.

— Вы слышали, в чем меня обвиняют? Вы должны меня арестовать!

Пристав пожал плечами, ответил сочувственно:

— На каком основании? Вы сказали, что это ложь. Меня выгонят со службы, если я посмею взять под стражу такого уважаемого человека. Нет, я не позволю такого неуважения к вам.

Васильев увел Наталью, отец Павел ушел раньше. Исчезли сыновья Васильева. Остались только Ворошило с сыновьями, Ген Дашен с помощниками да гиляки-следопыты. Пристав окинул напоследок взглядом комнату, сказал благожелательно:

— Хорошо, когда все миром. Теперь смогу пробыть на руднике дней пять. Вы тут без меня не буяньте, хе-хе!

Дверь за ним захлопнулась.

Шрамолицый с одной стороны, а осанистый с другой подняли Дьякова. Он дико огляделся по сторонам, на него смотрели как на повешенного.

У двери и окна стояли крепкие парни с ружьями.

Дьяков гаркнул что было сил:

— Семен Тимофеевич, вернитесь! Я сознаюсь, это я убил князя!

Через открытое окно донесся удивленный вскрик полицейского. Загудели голоса невидимой толпы. Дверь распахнулась, появился пристав. На его лице было сомнение.

— Я убил, — торопливо повторил Дьяков. — Возьмите меня под стражу!

Пристав с сомнением смотрел на него. Голос его был колеблющимся:

— Все-таки трудно решиться арестовать такого уважаемого человека.

— Они свидетели, — выдавил Дьяков, обводя рукой присутствующих. — Они подтвердят.

— Что их слово против слова такого уважаемого человека, — возразил пристав с большим почтением. — Гиляки, бродяги, купчишки. Если в их прошлом покопаться, то куда им, с их суконными рылами, супротив вашего дворянства! Вы лучше изложите все как есть на бумаге. Чтобы я, хе-хе, не оказался в преглупом положении!

Дьяков взял ручку, заколебался. Его глаза исподлобья обшаривали угрюмые лица присутствующих. Шрамолицый со свистом втянул сквозь зубы воздух, придвинулся. Осанистый с готовностью опустил ладонь на плечо адвоката со своей стороны.

— Я пишу, пишу, — заторопился Дьяков.

Его пальцы дрожали, но он заставил бежать перо по бумаге быстро и ровно. Пристав зашел сбоку, внимательно читал. На миг поднял глаза, встретился взглядом с Данилой. В его глазах было одобрение. Дьяков понял, что у него выбор не ахти. Либо признаться в убийстве и предстать перед судом, где после месячного разбирательства с соблюдением всех формальностей ему назначат смертную кару, либо начисто все отрицать, после чего под конвоем отвезут на место убитого князя. Там после короткого суда следопытов он закончит жизнь на суку уже к вечеру.

Пристав кликнул городских. Дьякову скрутили руки за спиной и, подгоняя пин-

ками, увели. Старого князя любили, в городе не найдется присяжного, который бы оправдал убийцу.

Ворошило сказал взволнованно:

— Гад, обвел вокруг пальца! Я шел в одной упряжке с убийцем! Нет, я тянул один, а он ехал на моей холке, кнутом помахивал, а я, дурень, ликовал, что едем так быстро!

Данила вышел из дома на улицу. Наталья стояла у крыльца. Священник в сторонке тихонько беседовал с Васильевым. Лицо Натальи было страдальческим. Данила, чувствуя себя опустошенным, отвязал коня, одним прыжком вскочил в седло.

— Данила, — услышал он тихий ласковый голос, — не сердись. Я была очень неправа.

— Все мы ошибаемся, — ответил Данила. — Что я могу сделать для вас?

— Как вы думаете, я смогла бы жить в лесу? — Ее брови вопросительно приподнялись.

Он оглядел ее с головы до ног:

— Почему нет? Даже княжна может научиться топить печь, колоть дрова, ловить рыбу, доить коров.

Ее удивленные брови взлетели еще выше:

— Что? Вы думаете, я буду это делать? Вы горько ошибаетесь!

Он подумал, признался:

— Верно! Когда столько детей цепляется за подол, когда уж колоть дрова. Успеть бы накормить всех.

— Всех? — переспросила она недоверчиво. — Сколько это «всех»?

— У моей бабушки было семнадцать, — ответил он серьезно. — А этот новый мир надо населять. Как сказал отец Павел, плодитесь и размножайтесь.

Данила одним движением подхватил Наталью к себе. Она испуганно прижалась к груди его. Он повернул ее лицо к себе, чувствуя под пальцами нежную кожу, наклонился. Ее губы дрогнули, расслабились, словно из них ушел страх, стали мягкими, теплыми и податливыми.

— Да, — сказал Данила прямо возле уха прильнувшей к его груди Натальи, — вижу, ослабил княжескую дочь. Если так, я обязан жениться.

Она подняла к нему лицо, прошептала умоляюще:

— Но только не семнадцать, ладно?

Он наклонился и ласково поцеловал Наталью:

— Сторгуемся.

СИБИРСКИЙ СИНДРОМ

(к иллюстрации на обложке)

Игорь Шуваев родом из Красноярска, но давно уже живет в Москве. Окунувшись в пестрое столичное разностилье, он не стал подлаживаться к вкусу времени, но остался самим собой, немного даже чужаком, так и не решаясь признать окружающую суету своей. Он типичный художник-переселенец, хоть и прочно застолбивший новую территорию, обнесший ее частоколом, но прочно удерживающий унаследованный лад мыслей. Не спешит он с гиканьем завоевывать первопрестольную, не спешит выставляться, словно в любой момент готов сняться и уехать обратно, в свои суриковские места. Впрочем, сейчас там художественная жизнь бурлит, и даже в столице открылся особый «Сибирский салон».

Но салонами Шуваев не интересуется. Он работает — неторопливо, раздумчиво и, кажется, вообще не занимая голову мечтами об успехе. Ему нужно составить какую-то собственную потаенную летопись, а уж потом думать, выносить ее на люди или нет. Его картины всегда крайне неопределенны и по сюжету, и по названию, им присущ оттенок кочевья, пребывания не среди старых московских переулков, но в огромных степных пространствах. Нет ни определенного времени года, ни времени суток, царит безбрежье полутьмы, сквозь которую брезжит не то первое предутреннее движение света, не то смутный ореол волшебного видения. Однако если это видение, то отнюдь не взвихренный, предельно раскованный экстаз Шагала, но что-то тревожное, возникающее в хмурой тайне, не позволяя почувствовать, к добру оно либо к ненастью.

Фон обычно в этой живописи грозный, хмурый, вечно чреватый непогодой, причем непогодой бессрочной и беспредельной. Сперва кажется, что ненастье, смоделированное красками, вообще не отступит и в итоге поглотит героев без остатка, воцарившись в виде абстрактной, серовато-сизой стихии, в которой уже не останется ни одного предметного островка.

Что же это за сибиряк, скажет иной ценитель национального искусства. Где богатырская мощь, безбрежная ширь горизонтов, не затуманенных всякого рода мировыми скорбями? «Сибирский синдром», выходит, живет тут лишь в виде загнанного внутрь мучительного комплекса, лишь усиливающего ощущение несвободы, заключенности в темную мороку красок, что одна за другой тухнут. И холст кажется непроницаемой стеной, а камерность лирического настроения, всегда картинам Шуваева присущая, навеивает мысли уже не о творческом уединении, но о камере некоей метафизической темницы.

Но у Шуваева есть и другие, не совсем другие, но все же стоящие несколько особняком полотна. В них царит тот же дух вечного ожидания и «камерной» тоски. Но это уже не безысходное ожидание своего совкового Годо, который никогда не придет, а лишь пришлет порученца, который толком ничего не скажет. Это чаяние света, что уже начинает мало-помалу подпитывать палитру, не разгораясь до жаркого пламени, но все же навевая кое-какое тепло. Смутные фигуры застывают в окружении не то рассвета, не то заката, но в любом случае какого-то важного временного рубежа. Цвет обретает — что, казалось бы, совсем уж необычно для шуваевской манеры — золотистый оттенок. Воздушные пути заводят художника уже не столько в Сибирь, но гораздо дальше, на экзотический Восток, одеяния фигур кажутся бедуинскими бурнусами.

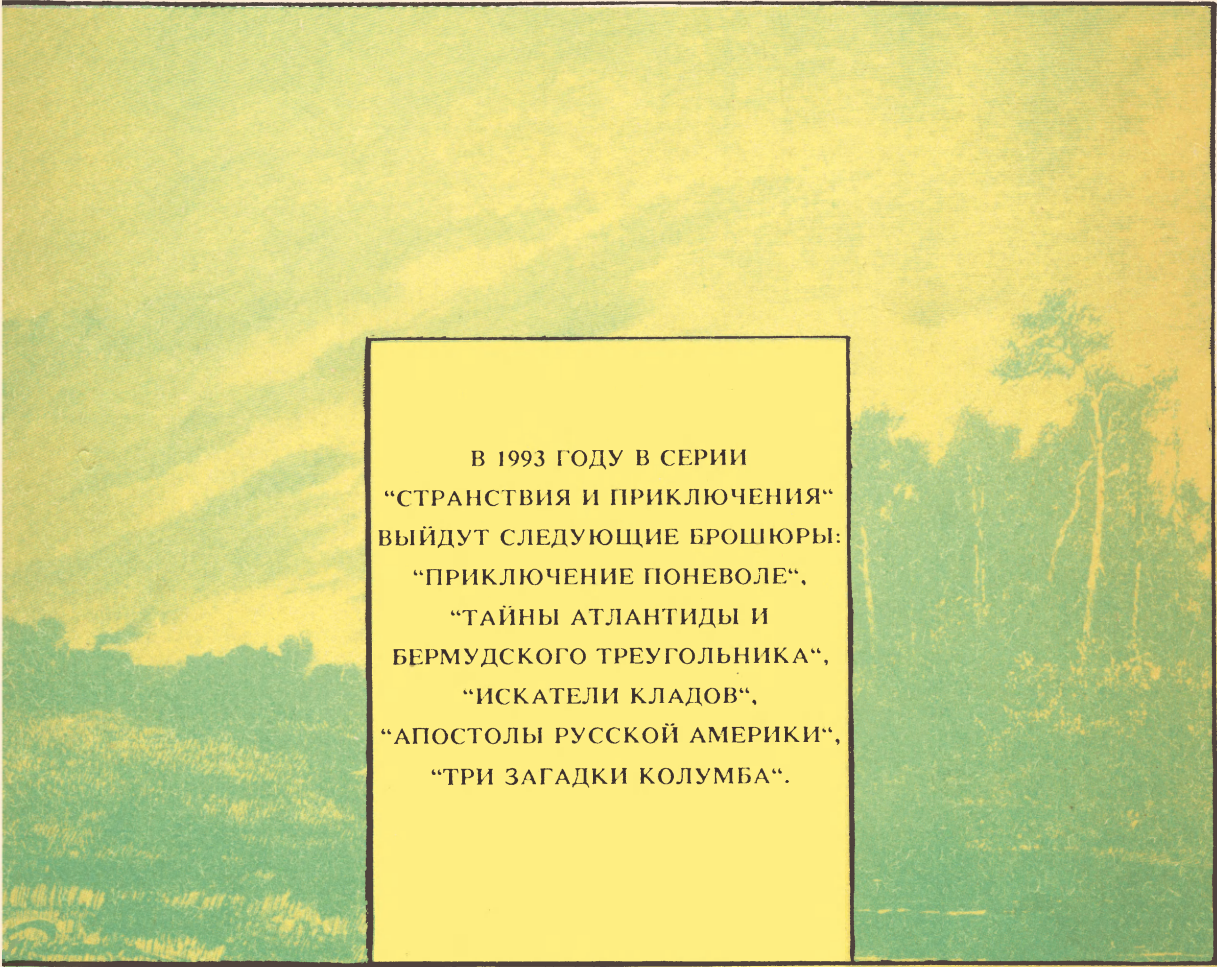
Ощущение раскованности крепнет, и передвижения в пространстве совершаются все непринужденнее.

По характеру своему Шуваев — художник евразийский. И куда его повлечет в будущем — Бог весть. Может быть, в родные края. А может, в какие-нибудь неведомые страны Макара и его телят — в страны, которые, впрочем, сейчас расстилаются повсюду вокруг нас.

М. СОКОЛОВ

ЗНАНИЕ

В 1993 ГОДУ В СЕРИИ
“СТРАНСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ”
ВЫЙДУТ СЛЕДУЮЩИЕ БРОШЮРЫ:
“ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПОНЕВОЛЕ”,
“ТАЙНЫ АТЛАНТИДЫ И
БЕРМУДСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА”,
“ИСКАТЕЛИ КЛАДОВ”,
“АПОСТОЛЫ РУССКОЙ АМЕРИКИ”,
“ТРИ ЗАГАДКИ КОЛУМБА”.

Подписная
популярная
серия

СТРАНСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ